

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

№ 2.

ЗДРАВІЯ ЖЕЛАЮ!

СТИХОТВОРЕНІЯ

ОТСТАВНАГО МАІОРА

МИХАИЛА БУРБОНОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи К. Вульфа, Литейный проспектъ № 60

1867.

ЗДРАВІЯ ЖЕЛАЮ!

СТИХОТВОРЕНІЯ

ОТСТАВНАГО МАІОРА

МИХАИЛА БУРБОНОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи К. Вульфа, Литейный проспектъ № 60

1867.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Гражданскіе мотивы:

Невскіе эскизы:

Три мотива:

Переводы:

РЕКРЕАЦІОННЫЕ ЧАСЫ

Чего не стерпитъ листъ бумаги
И муза подъ моимъ перомъ!

К. Вяземскій.

Поэтъ не мыслимъ безъ отваги...
Пою, хоть всюду будь погромъ.
Чего не стерпитъ листъ бумаги
И муза подъ моимъ перомъ?..

Пускай журналовъ русскихъ маги
Помянутъ лихомъ иль добромъ —
Чего не стерпитъ листъ бумаги
И муза подъ моимъ перомъ?..

Надѣвъ воинственныя краги,
Пускаю каждый стихъ ребромъ —
Чего не стерпитъ листъ бумаги
И муза подъ моимъ перомъ?..

Рука, рожденная для шпаги,
Сошлася съ новымъ ремесломъ...
Чего не стерпитъ листъ бумаги
И муза подъ моимъ перомъ?..

И такъ, горячъ, какъ всѣ варяги,
Твержу я съ Вяземскимъ Петромъ:
Чего не стерпитъ листъ бумаги
И муза подъ моимъ перомъ?..

ЗИМНІЯ ПѢСНИ.

I.

Идутъ, ровняясь по ранжиру
Двѣнадцать мѣсяцевъ въ году;
Ихъ по особому мундиру
Мы отличаемъ на ходу.
Они проходятъ ровнымъ шагомъ,
Обновы разныя даря,
И насъ ведутъ подъ пестрымъ флагомъ
Отъ Января до Декабря.

Январь, какъ юнкеръ свѣжъ и молодъ,
Выходитъ бодро изъ пеленъ
И въ самый злой крещенскій холодъ
Вдругъ открываетъ свой сезонъ,
Выводитъ новыя газеты,
Поетъ и пляшетъ при свѣчахъ;
Пушистый снѣгъ, какъ эполеты,
Онъ важно носитъ на плечахъ.

*

Февраль глядитъ лихимъ корнетомъ,
Его забавы велики:
Толпу таскаетъ по банкетамъ,
На вечера и пикники.
Смиряетъ онъ законнымъ бракомъ
Обоихъ половъ молодежь
И, до забавъ ужасно лакомъ,
Имъ отдаетъ послѣднiй грошъ.

Мартъ, какъ поручикъ отъ пѣхоты,
Всегда туманенъ, сѣроватъ,
Бываетъ скученъ до зѣвоты
И на расходы скуповатъ.
Живыхъ сажаетъ онъ въ больницы,
Бросая въ жаръ или ознобъ,
И любитъ жителей столицы
Класть на покой въ сосновый гробъ.

Апрѣль походной маркитанкой
Съ запасомъ разной новизны
Лукаво тѣшитъ насъ приманкой
Вновь оживающей весны,
Несетъ пасхальные подарки —
И въ этомъ мѣсяцѣ, есть слухъ,
Всѣ поцѣлуи очень жарки
У молодыхъ и у старухъ.

Май — стихотворецъ батальонный,
Поетъ про дѣву и луну
И нѣженъ, словно какъ влюбленный,
Насъ клонитъ къ лѣни и ко сну.
Всѣ дамы слаще глазки жмурятъ,
Сводя поклонниковъ съ ума;
Домовладѣльцы штукатурятъ
Свои столичные дома.

Іюнь,—какъ фельдшеръ ротный, красенъ,
Лѣнивъ, какъ нашъ любой деньщикъ,
Бываетъ часто всѣмъ ужасенъ
Отъ комаровъ и глупыхъ книгъ.
По всюду скуки лѣтней знаки,
Пыль лѣзетъ въ ротъ среди дорогъ,
Кусаютъ мухи, какъ собаки,
И солнце блещетъ, какъ клинокъ.

Въ іюлѣ люди очень падки
По дачамъ жить, но въ дачахъ тѣхъ,
Какъ въ нашей лагерной палаткѣ,
Дождь льется прямо изъ прорѣхъ.
По утру—ясно; ждешь заранѣ,
Барометръ быстро упадетъ;
По утру-жарко, точно въ банѣ,
А къ ночи — хоть влѣзай въ енотъ.

Для люда сѣверной Пальмиры
Весь августъ много шлетъ хлопотъ
И всѣмъ на зимнія квартиры
Трубитъ настойчиво походъ.
Хоръ публицистовъ вновь заспоритъ,
Всѣ дамы расфрантятся въ пухъ
И гражданинъ горячку поретъ
Иль самъ въ горячкѣ бредитъ вслухъ.

Сентябрь, какъ воинъ, вставшій съ койки,
Какъ обновленный инвалидъ,
Готовъ на прежнія попойки
И бодро клюшкой шевелитъ.
Женихъ невѣстъ богатыхъ ловитъ,
Богъ Гименей открылъ олтарь
И Академія готовитъ
Свой ежегодный календарь.

Октябрь, надѣвъ мундиръ парадный,
Гдѣ обновленъ потертый кантъ,
Летитъ въ вихрь бальный, маскарадный,
Какъ гарнизонный адъютантъ.
Бодрятся львы и блещутъ львицы,
Въ балетахъ таютъ старики
И въ шумныхъ улицахъ столицы
Прохожихъ давятъ рысаки.

Ноябрь проходитъ въ гамѣ, пискѣ.
Сезонъ открылъ свой плацъ-парадъ:
Всѣ журналисты ждутъ подписки,
А всѣ служащіе — наградъ.
Хлыщъ радъ спустить свои излишки,
Продать сервизъ богатый въ ломъ. —
И для дѣтей у Вольфа книжки
Стоятъ соблазномъ за стекломъ.

Декабрь едва-едва шагаетъ;
И, дочитавши свой уставъ,
Нашивокъ дюжину вшиваетъ
На свой изношенный рукавъ.
Кончая путь годичнымъ маршемъ,
Онъ крикнулъ: стой! умолкъ — и вотъ
Предъ заслуженнымъ годомъ старшимъ
Новорожденный выросъ годъ.

II.

НОЧЬ НА МОСТУ.

Ночь хламидой темносиней
Надъ столицею виситъ,
Въ стеклахъ оконъ снѣжный иней
Брилліантами блеститъ.

Звѣзды смотрятъ яснымъ взоромъ.
Сферы дальней свистуны
Вслухъ смѣются надъ Шандоромъ
Съ необъятной вышины,

И небесною пустыней,
Сыпля брызги серебра,
Смотритъ мѣсяцъ спѣлой дыней,
Привезенною съ Днѣпра.

На землѣ и въ небосклонѣ
Мертвый сонъ и тишина,
На мосту гиганты кони
Лишь очнулися отъ сна.

Кони дышутъ... нравъ игривый
Видѣнъ въ нихъ, раздулась грудь...
Разомъ бронзовою гривой
Имъ хотѣлось бы встряхнуть,

Удила—они-бъ сорвали...
Но недвижны въ наши дни,
На гранитномъ пьедесталѣ
Словно замерли они.

Удивленъ такимъ порядкомъ,
Чтобъ «игру судьбы постичь»,

Этимъ бронзовымъ лошадкамъ
Я сказалъ: недавно спичь,

«Кони, кони! (поднялъ длань я)
Удивили вы меня;
Жить безъ радостнаго ржанья
Неприлично для коня,

«Вы же»... Тутъ, чтобъ огорошить,
Съ пьедестала, въ тишинѣ,
Громко бронзовая лошадь
Такъ отвѣтствовала мнѣ:

— Есть глава у насъ въ законѣ,
Ту главу должны мы знать:
Нынче ржать не смѣютъ кони,
Нынче люди стали ржать.

Есть у насъ сознанье чести;
Не сравнимся мы съ людьми:
Если ржанье слышно въ «Вѣсти» —
Нѣтъ его межь лошадьми.

«Отчего-жъ, скажите, кони,
Не умчитесь вы съ тоски?
Иль боитесь вы погони,
Иль хожалаго руки?

— Нѣтъ, вблизи палатъ и башенъ
Могъ раздаться звонъ копытъ,
Нѣтъ, хожалый намъ не страшенъ,
Насъ погоня не страшитъ.

Мы могли-бъ сорваться съ мѣста
И народъ давить слегка,
Но... боимся мы протеста
«Петербургскаго Листка».

Мигъ — и кони нѣмы стали,
Снова тьмой одной одѣтъ
На гранитномъ пьедесталѣ
Ихъ недвижный силуэтъ —

И подернулъ снѣжный иней
Эту бронзу и гранитъ...
Ночь хламидой темно синей
Надъ столицею виситъ.

III.

Много красавицъ вспоила Нева,
Взглядъ ихъ—острѣе булавокъ,
Но закружится моя голова
Лишь отъ Милютиныхъ лавокъ.

Сигъ прокопченный изъ оконъ глядитъ;
Нуженъ особенный навыкъ,
Чтобъ не просился любой аппетитъ
　　Въ двери Милютиныхъ лавокъ.

Дыни, арбузы, какъ ядра стоятъ;
Такъ бы засѣлъ за прилавокъ,
Разомъ вкусивъ соблазнительный ядъ
　　Дивныхъ Милютиныхъ лавокъ.

IV.

Теперь всѣ люди такъ раскисли,
Какъ будто дни ихъ сочтены:
У нихъ здоровыя есть мысли,
А сами вѣкъ они больны.

Чуть время сдѣлалось поплоше —
Они дрожатъ и при огнѣ;
Обуты ноги ихъ въ галоши,
А горло спрятано въ кашне.

Бывало я въ одномъ мундирѣ
Бродилъ по лужамъ, въ дождикъ мокъ,
И только вспомнишь на квартирѣ,
Что нѣтъ подметокъ у сапогъ.

V.

Съ своей кухаркою Августой
Я нажилъ множество хлопотъ:
Зимой люблю я щи съ капустой,
Она же супъ мнѣ подаетъ —

И супъ прескверный. Митродора
Вчера сказала: «вѣрь, Мишель,
Сварю я супъ отличный скоро,
Теперь же дорогъ вермишель.»

Поди, толкуй съ такой славянкой!
Ее нельзя вѣдь убѣдить,
Что только щами да селянкой
Могу я голодъ утолить.

ВЕСЕННІЯ ТРЕЛИ.

I.

Статскій будь, будь офицеръ ты,
Но поймешь ты мысль одну,
Что всеобщіе концерты
Говорятъ намъ про весну.

Нѣтъ зимы. Инаго сорта
Наступаетъ вновь сезонъ.
То сезонъ для Рапопорта,
Нагоняющаго сонъ,

То сезонъ весенней спячки,
Праздникъ мартовскихъ котовъ,
Скрипокъ, насморковъ, горячки,
Романтическихъ шутовъ,

Праздникъ слякоти пасхальной,
Фельдшеровъ, «живыхъ картинъ»,
Пѣсенъ, грязи идеальной,
Всѣхъ прогулокъ — карантинъ.

То сезонъ для насъ безцѣнный,
Грудь заныла, «какъ струна»!..
Будь ты статскій иль военный, —
Возликуй: пришла весна!...

II.

Люблю весны торжественный приходъ...
Весною легче жить.
Она пришла — и теплый свой енотъ
Могу я заложить.

Люблю весны торжественный приходъ...
Весною слаще пить —
И печь свою полгода на пролетъ
Могу я не топить.

ЛѢТНІЯ СКИТАЛЬЧЕСТВА.

I.

НА РАСПУТЬИ ДОРОГЪ.

Петрополь нашъ несносенъ лѣтомъ.
Поднявшись рано, до зари,
Я захватилъ съ собой, съ кисетомъ,
Табакъ Ла-фермъ, papier de riz,
Чубукъ, перо съ дорожной книжкой,
Кепи, чтобъ видѣли мой чинъ,
И палку съ бронзовою шишкой
Для псовъ и для иныхъ причинъ.
Столицы нравы наблюдая
(Я въ наблюденіяхъ горячь),
Сбирался многіе года я
Быть посѣтителемъ всѣхъ дачъ.
И вотъ, бѣжавъ домашней таски,
Закинувъ за плечи башлыкъ,
Какъ богатырь старинной сказки,
Я на распутьи сталъ въ тупикъ.
Логичнѣй въ мысляхъ, чѣмъ Юркевичъ,
Какъ Розенгеймъ Михаилъ строгъ,

Я думалъ, какъ Иванъ Царевичъ,
Передъ распутьемъ тѣхъ дорогъ:
Куда пойду я безъ оглядки?
Отправлюсь въ Павловскъ, что-ли? Но
Тамъ нужны свѣжія перчатки
И очень тонкое сукно.
Не складно созданъ, какъ Исакій,
Я покажусь тяжелъ и дикъ
Въ воксалѣ Павловскомъ, гдѣ всякій
Къ изящной публикѣ привыкъ.
Живу не въ тонъ я съ модой здѣшней
И покажусь тамъ чудакомъ,
Съ своимъ кисетомъ и черешней
И съ трехъ-пудовымъ кулакомъ.
Среди фонтановъ въ Петергофѣ,
Теряюсь я при видѣ виллъ,
А въ Коломягахъ запахъ кофе
И лѣсъ и воздухъ отравилъ.
Хоть я не трусъ, но Безбородко
Меня пугаетъ и вдали:
Тамъ голосъ Кене, словно плётка,
Гостей пугаетъ въ Тиволи!
Моей профессіи не зная,
Онъ скажетъ: «вонъ»!... Читатель, вѣрь—
«Еще ни чья рука земная»

Не указала мнѣ на дверь.
Идти въ Полюстрово? Туманы
Тамъ человѣка могутъ съѣсть —
И одичалый видъ Пастраны
Могу я тотчасъ пріобрѣсть,
Заѣхавъ въ Парголово третье:
Хоть видъ подобный — капиталъ,
Но вида этого имѣть я
Еще покуда не желалъ.
Въ Лѣсномъ—тоска бродить безъ цѣли
Раздразнишь только аппетитъ:
Тамъ подъ навѣсомъ каждой ели
Съ утра до ночи дачникъ спитъ,
Тамъ ванны выстроены въ лужахъ,
Чтобъ быть прибѣжищемъ въ жары,
Тамъ сплетни разныхъ дамъ досужихъ
Меня съѣдятъ, какъ комары.
Куда жъ идти мнѣ безъ опаски?
Я затрудняться не привыкъ,
Но, какъ герой старинной сказки
На томъ распутьи сталъ въ тупикъ.
Однако я пути любаго
Не устрашусь. Впередъ, впередъ!
Я свой разсказъ начну ab ovo
И гдѣ я былъ, и гдѣ пилъ медъ.

II.

НА ПАРГОЛОВСКОМЪ ОЗЕРѢ.

Надъ озеромъ, съ удочкой длинной въ рукѣ,
Сижу я.. грызетъ меня скука.
Вдругъ что-то блеснуло внизу на пескѣ
И на берегъ выплыла щука.
На солнцѣ іюльскомъ блеститъ чешуя,
И рыба свой ротъ раскрываетъ,
Взглянула печально и—вдругъ, слышу я,
Со мной разговоръ начинаетъ:
— «Я знаю, Бурбоновъ, ты добрый старикъ,
Какъ воинъ, хитрить не желаешь;
Притомъ ты словесность родную постигъ
И всѣхъ литераторовъ знаешь.
Оставь же на время свой длинный чубукъ
И выведи насъ изъ сомнѣнья,
За чтó въ царствѣ озера въ обществѣ щукъ
Заслужишь ты доброе мнѣнье.
Скажи же, Бурбоновъ—гдѣ Майковъ поэтъ?
Давно ужь по здѣшнимъ озерамъ,
Гдѣ рыбу онъ удилъ по нѣсколько лѣтъ,
Не ходитъ онъ больше дозоромъ.
Всѣ рыбы о немъ стосковались у насъ,
Понятно страданіе это! —
Пріятно всѣмъ рыбамъ попасть на Парнасъ

Въ уху для такого поэта.
Безъ Майковскихъ пѣсенъ, и самъ ты поймешь,
Всѣмъ рыбамъ на озерѣ — скука...
И я отвѣчалъ ей: Скрывать для чего-жъ —
Скажу тебѣ правду всю, щука:
Подъ мутною Летой, гдѣ раковъ и рыбъ
Не встрѣтишь, какъ въ озерѣ этомъ,
Поэтъ вдохновенный на вѣки погибъ,
Давно позабытый всѣмъ свѣтомъ.
Онъ въ царствѣ Плутона ужъ съ давнихъ временъ
Почетною должностью связанъ:
Когда за трапезу садится плутонъ,
Онъ оду измыслить обязанъ.
На озеро съ удочкой онъ не придетъ,
На удочку самъ онъ попался...
Тутъ щука нырнула и въ зеркалѣ водъ
Отъ рыбы и слѣдъ потерялся.
И тамъ просидѣлъ я до поздней зари...
Напуганы новой бѣдою,
Всѣ рыбы пускали въ водѣ пузыри
И слышенъ былъ стонъ подъ водою.

*

III.

ВЪ ПАВЛОСКѢ.

Чудная дама мнѣ тамъ повстрѣчалась, —
Ростомъ почти въ три аршина,
Въ мощной рукѣ ея вѣрно-бъ сломалась
Даже желѣзная шина.
Лопался въ таліи крѣпкій канаусъ
Лишь при ея поворотѣ...
Милая дама! Теряется Страусъ,
Если вы мимо пройдете.
Можете пить по бутылкамъ клико вы,
Съ дѣтства не нужно вамъ нянекъ,
Массу большой лошадиной подковы
Легче согнуть вамъ, чѣмъ пряникъ.
Мстя за обиду, обрушиться можетъ
Бѣлый кулакъ вашъ, какъ молотъ, —
Въ первый разъ въ жизни тоска меня гложетъ:
Жаль, что я слабъ и не молодъ.

IV.

ВЪ ТИВОЛИ.

Въ жаркій день на скамейкѣ, усталый, въ пыли,
Отдыхалъ я въ саду Безбородко...

Предо мною твой образъ скользнулъ въ Тиволи
И смотрѣлъ такъ любовно и кротко...
Вновь воскресло прошедшее въ области грезъ:
Мы съ тобой здѣсь, мой ангелъ, встрѣчались
И межъ двухъ бѣлоснѣжныхъ, кудрявыхъ березъ
Здѣсь гимнастикой мы занимались.
Живо вспомнилъ тебя я, мой другъ, и повѣрь,
Съ глазъ закапали слезы обильно:
Пусть Бурбоновъ старикъ и въ отставкѣ теперь,
Но онъ любитъ по прежнему сильно.

V.

НА МУЗЫКѢ ВЪ ЛѢСНОМЪ ИНСТИТУТѢ.

Я музыку слушалъ, кляня.
Хоть слухъ я имѣю здоровый,
Но тутъ словно по лбу меня
Ударили шишкой еловой.
Той музыкѣ сталъ я внимать:
Она и мутитъ и тревожитъ,
Ее не возможно понять,
За то оглушить она можетъ.
Оркестръ и гудитъ и гремитъ,
Какъ будто попалъ на этапъ онъ...
Я вдругъ сознаю, что трещитъ

Въ ушахъ барабанный ихъ клапонъ.
Я звукамъ суровымъ внималъ
Не разъ на моряхъ и на сушѣ, —
Но тутъ я покинулъ воксалъ,
Заткнувъ всѣми пальцами уши.

IV.

ТАМЪ-ЖЕ ВЪ ПАРКѢ.

Нѣтъ ни души въ огромномъ паркѣ,
Молчалъ кругомъ еловый лѣсъ,
Лишъ сонце ставило припарки
Моей спинѣ съ высп небесъ.
Какъ иногда въ литературѣ
Разбитый падаетъ журналъ,
Такъ въ рощѣ жертвой страшной бури
Кой-гдѣ трупъ дерева лежалъ.
Въ «аллеѣ встрѣчъ»—нѣтъ встрѣчъ, свиданій
Ни назади, ни vis-à-vis,
Нѣтъ ни любви, ни воздыханій
Въ аллеяхъ «вздоховъ и любви»:
И думалъ я, прибавивъ ходу:
Въ такую душную погоду
Одно спасеніе въ бѣдѣ:
Пить со льдомъ содовую воду
И плавать по уши въ водѣ.

VII.

НОЧНОЙ ГОСТЬ
(Баллада).

Заалѣлъ небосклонъ
И, какъ нѣкій баронъ,
Что Жуковскимъ былъ прежде воспѣтъ,
Я на клячѣ верхомъ
Ѣхалъ съ дачи шажкомъ,
На луку нацѣпивъ свой кисетъ.

Не съ поэмой назадъ
Я спѣшилъ въ Петроградъ
На огромномъ, поджаромъ конѣ.
Но въ пыли и во мглѣ
На казацкомъ сѣдлѣ
Весъ корзинку малины женѣ.
Торопился я къ ней,
Къ Митродорѣ моей,
И нагайкой коня погонялъ
Запыленъ мой сюртукъ
И огромный чубукъ
Я у стремя, какъ пику, держалъ.
Прикрываемый тьмой,
Я вернулся домой,
Безопасно окончивъ походъ.

Митродора ужь спитъ,
Митродора храпитъ,
Такъ, что слышно у самыхъ воротъ.
Пусть въ объятіяхъ сна
Храпъ пускаетъ жена:
Вѣрно видитъ во снѣ старика!..
Но гдѣ муза моя?
И, сомнѣнье тая,
Сталъ свистать я и звать деньщика.
На дворѣ я свищу,
Сѣрныхъ спичекъ ищу,
Залѣзая въ карманъ боковой,
И мой вѣрный слуга,
Не надѣвъ сапога,
Предо мной сталъ, какъ листъ предъ травой.
— «Здравствуй, старый Семенъ!»
(Онъ отвѣсилъ поклонъ
И отъ сна сталъ глаза разлипать)
«Ты немудрый деньщикъ,
Но ты къ правдѣ привыкъ
И, я знаю, не станешь ты лгать.
Клячу ты привяжи
И мнѣ все разскажи, —
Да надѣнь, старина, свой картузъ, —
Какъ здѣсь муза жила,
Безъ меня гдѣ была:

Вѣдь нельзя полагаться на музъ».
— «Я за нею слѣдилъ,
Даже водки не пилъ,
Я былъ трезвъ, благородный майоръ,
Не смыкалъ даже глазъ,
Въ палисадникѣ разъ
Я подслушалъ одинъ разговоръ.
Было въ небѣ темно...
Заглянулъ я въ окно,
Мракъ полночный смотрѣть мнѣ мѣшалъ,
Но, хоть мракъ былъ и густъ,
Я замѣтилъ сквозь кустъ —
Съ ней невѣдомый гость толковалъ;
Вотъ надъ кровлей луна
Поднялась и она
Освѣтила лицо пришлеца...
Онъ о чемъ-то молилъ,
Онъ о чемъ-то просилъ
И склонился къ периламъ крыльца.
Онъ поникъ головой,
Карандашъ пудовой,
На три четверти въ землю вонзилъ
И его я узналъ —
Предо мною стоялъ...
То былъ самъ Розенгеймъ Михаилъ»...
— «Нѣтъ, мой вѣрный деньщикъ,

Твой разсказъ слишкомъ дикъ...
Онъ не смѣлъ къ ней придти и не могъ:
Передъ цѣлой страной
Сброшенъ въ Лету онъ мной
И не знаетъ къ Парнасу дорогъ.
Я — Бурбоновъ маіоръ —
Былъ его приговоръ.
Обманулъ тебя старый твой взглядъ. —
Хоть любаго спроси —
Всѣ у насъ на Руси
Розенгейму поминки творятъ.»
— «Нѣтъ, былъ зорокъ мой глазъ...
Онъ стоялъ въ поздній часъ,
Какъ убогій предъ ней инвалидъ,
И просилъ для стиховъ
Риѳмъ двѣнадцать пучковъ,
«Объясни мнѣ, размѣръ, говоритъ.
«Рифмы я наберу
«И тотчасъ же совру,
«Нечѣмъ строчку, порой, подпереть...
«Помоги мнѣ въ стихахъ!...
«Я бѣжалъ въ попыхахъ —
«За тебя я готовъ умереть,
«Я безсиленъ и слабъ..»
Тутъ пошла она въ шкапъ,
Вновь вернулась, забывъ свою грусть,

И сказала потомъ:
«Сумарокова томъ
«Долженъ выучить ты наизусть.
«Эту книгу учи...
«Вдохновенья лучи
«Осѣнятъ твой нахмуренный лобъ
«И къ досадѣ другихъ,
«Ты изъ рифмъ дорогихъ
«Вдругъ составишь большой гардеробъ..»
Тутъ сталъ ясенъ мой ликъ.
— «Ну, спасибо, деньщикъ!..
Ты—мой вѣрный и добрый маякъ,
Ты усерденъ, хоть старъ...»
И раскрывъ портъ-сигаръ,
Денщику я вручилъ четвертакъ.

*
* *

По редакціямъ годъ
Ходитъ сборище одъ
И редакторъ, раскрывъ ихъ, порой,
Созерцая тетрадь,
Могъ невольно сказать:
«Къ намъ пришелъ Сумароковъ второй!»

ГРАЖДАНСКІЕ МОТИВЫ.

Я не Пятковскій, а другой
Еще не вѣдомый избранникъ...

1.

Локтемъ плотнѣе мнѣ къ локтю прижмись...
Въ городѣ грохотъ и стукъ...
Вмѣстѣ со мной перейдти торопись
Черезъ проспектъ, милый другъ.
Если же кровный, столичный рысакъ
Хватитъ оглоблей насъ въ лобъ,
Крѣпко обхватимъ другъ друга—и такъ
Вмѣстѣ положатъ насъ въ гробъ.

2.

Въ темномъ небѣ, туфли скинувъ,
Ходятъ звѣзды босикомъ;
Вѣсъ тяжелыхъ кринолиновъ
Имъ въ эфирѣ незнакомъ.

Потому мнѣ, звѣзды, сладки
Ваши чистые лучи,
Что съ небесъ, какъ демократки,
Въ міръ глядите вы въ ночи.
Въ пониманьи люди туги,
Но понять они должны:
Знать за важныя услуги,
Звѣзды, небу вы даны.

3.

Солнце весны улыбается кротко.
Въ сердце усталомъ тоска:
Вѣрно кого нибудь злая чахотка
Гонитъ долой съ чердака.

Въ поле всѣхъ манитъ румяное лѣто—
Мысль моя бродитъ во тьмѣ:
Гдѣ нибудь, вѣрно, безъ ласкъ, безъ привѣта
Узникъ томится въ тюрьмѣ.

Вѣтеръ осенній проносится, плача, —
Ужасомъ скорченъ мой ротъ:
Бьетъ тебя палкой, несчастная кляча,
Грубый фургонщикъ-деспотъ.

Зимнею ночью скорблю я: дика ты,
Нашей планеты судьба?

Господи! скоро ли южные штаты
Снимутъ ошейникъ съ раба?...

4.

Въ глухую ночь я шелъ Коломной,
Дождь лилъ и вѣтеръ съ ногъ сбивалъ;
Одинъ вопросъ головоломный
Меня дорогою смущалъ:

«Я такъ усталъ.... идти далеко.....
Но какъ извощика найму,
Не заслуживъ за то упрека
Въ неуваженіи къ нему?»

Иду. — «Наймите, что-ли, баринъ!
Возьму двугривенный одинъ.»
«Нѣтъ, милый другъ мой,—благодаренъ:
Какъ я — ты тоже гражданинъ,

«Могу съ тобой я покалякать!
Ты братъ намъ всѣмъ, — но для чего жъ
Въ такую ночь, въ такую слякоть
Меня ты, другъ мой, повезешь?

Страшись холеры, лихорадки,
Ступай домой, — ты весь продрогъ» —

Проговоривъ подобный кроткій,
Краснорѣчивый монологъ,

Побрелъ я площадью пустынной,
Уныло Ванька крикнулъ въ слѣдъ:
— «Ну, дайте хоть пятіалтынный!»
Но я шепнулъ гуманно: «нѣтъ»

5.

Что ты смѣешься, ребенокъ?
Всюду и пошлость и грязь,
Иль ты привыкла съ пеленокъ
Жить, постоянно смѣясь?

Въ омутѣ жизненной прозы
Рѣже смѣяться люби,
Лей ты гражданскія слезы,
Лей — и до гроба скорби.

Но помиритъ ли самъ Геній
Разницу нашихъ натуръ:
Я — не Онѣгинъ Евгеній,
Ты — не Евгенія Туръ.

НЕВСКІЕ ЭСКИЗЫ.

(Опытъ лирическихъ пѣсенъ).

I.

Я люблю тебя, финская ночь,
Ночь-блондинка, ночь блѣдно-лиловая
Тьма не можетъ тебя превозмочь,
Не нужны тебѣ звѣзды перловыя...

Какъ надъ спящей невѣстой фата,
Распускаешься ты надъ столицею
Неподвижна, блѣдна и чиста
И зарницу сливаешь съ зарницею.

Гдѣ-то крикнулъ протяжно пѣтухъ,
Раздался звукъ ругательства вѣскаго...
Керасинъ въ моей лампѣ потухъ....
Я читаю газету Краевскаго.

Я читаю одинъ, безъ огня,
Затвердить хочу каждое слово я,
А сквозь стекла глядитъ на меня
Ночь-блондинка, ночь блѣдно-лиловая.

2.

Лѣто—по утру палящее, душное,
А по ночамъ очень часто морозное,
Лѣто холодное, лѣто тифозное,
И съ колыбели своей золотушное!

Все-жъ ты мнѣ дорого, лѣто привѣтное,
Дорого мнѣ наше солнце столичное,
Холодъ и вѣтеръ и зелень больничная,
Нашихъ полей красота лазаретная.

Нѣтъ, не встрѣчали-бъ мы кислыми минами
Финскаго лѣта съ ночами чухонскими,
Еслибъ на свѣтъ всѣ родились Щербинами,
Еслибъ на свѣтъ всѣ родились Полонскими.

3.

Кротко глядитъ небосклонъ.
Жарко... чуть движутся ноги...
Сядемъ съ тобою въ вагонъ
Конно-желѣзной дороги.

Сядемъ съ тобой въ уголокъ,
Скрывшись отъ зноя и блеска:
Только одинъ *пятачекъ*
Стоитъ такая поѣздка.
Милая! счастлива ты?
Самъ я — какъ счастливъ, о боги!
Вижу прогресса цвѣты
Въ конно-желѣзной дорогѣ...

ПРИ ПОСЫЛКѢ

РОМАНА «ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ»

Доктора въ леченьи странны
Всѣ они,—не смѣло-ли,—
Говорятъ: морскія ванны
Многимъ пользу дѣлали.

Эта книга тоже «*море
Взбаламученное*»,
Встрѣтитъ въ ней большое горе
Грудь измученная.

И теперь предъ цѣлымъ свѣтомъ
Я на ванны эти сѣтую
И купаться въ морѣ этомъ
Вамъ я не совѣтую.

---

*

ТРИ МОТИВА.

I.

Сядемъ здѣсь подъ этимъ кленомъ
Солнца розоваго ждать
И, какъ слѣдуетъ влюбленнымъ,
Поцалуемъ опаленнымъ,
Станемъ таять и молчать.

Посмотри, какъ горы сини!
Посмотри, какъ ночь плыветъ!..
Листъ не дрогнетъ на осинѣ...
Слаще музыки Россини —
Даль звенящая поетъ.

Нѣтъ во мнѣ иныхъ желаній,
Нѣтъ желаній горячѣй,
Какъ вдали отъ пыльныхъ зданій,
Слушать музыку лобзаній,
Слушать музыку ночей.

Майской ночи ароматы,
Сномъ объятый небосклонъ,
Соловьиные раскаты....
О, скажи мнѣ: влюблена ты?
Я давно уже влюбленъ...

II.

Весь міръ лихоимцами полонъ,
Въ немъ каждый другаго чернилъ
И лбомъ своимъ стукался въ полъ онъ...
Чернилъ мнѣ, скорѣе, чернилъ!..
Весь міръ погибаетъ отъ взятокъ,
Отъ зла погибаетъ добро...
Могу-ли быть кротокъ и краток'ъ?
Перо мнѣ, скорѣе, перо!
Отъ взятокъ, вина и разврата,
Отъ лжи очищая толпу,
Не стану щадитъ даже брата:
Бумаги, бумаги стопу!..
Стихомъ отрезвлю я хмѣльнаго,
Очнутся лѣньтяи отъ сна...
Для нашего міра больнаго
Здоровая гласность дана!..

III.

Мнѣ дороги слезы; я плачу весь вѣкъ.
Увижу ли нищаго, встрѣчу ли клячу,

Услышу ль, какъ стонетъ больной человѣкъ —
Я плачу.
Идетъ пролетарій въ пальтишкѣ въ морозъ,
Безъ платы извощикъ проѣдетъ на дачу,
О «женскомъ трудѣ» поднимаютъ вопросъ —
Я плачу.
При видѣ природы родимой страны —
Повсюду я слезы гражданскія трачу,
Увижу явленье румяный весны —
Я плачу.
Пусть солнце блеститъ надъ моей головой!
Хотя бы повсюду встрѣчалъ я удачу,
Но все таки, вынувъ платокъ носовой,
Я плачу.

ПЕРЕВОДЫ.

ИЗЪ БЕРАНЖЕРА.

Я за жену отдамъ хоть душу
И даже свой маіорскій чинъ,
И хоть ее немножко трушу,
Но есть на это тьма причинъ.
Надѣлъ я прапорщика шпоры,
Мнѣ съ этихъ поръ она вѣрна...
Какъ не любить мнѣ Митродоры,
  Когда она—моя жена!...

Зимой прошедшею, примѣрно,
Я невзначай въ постелю слегъ
И даже умеръ бы навѣрно,
Но мнѣ уходъ ея помогъ:
Питьемъ поила, шила шторы,
И по ночамъ не знала сна...
Какъ не любить мнѣ Митродоры,
  Когда она—моя жена!..

Бывало, хлѣба пѣтъ ни крошки, —
Я былъ безпеченъ, словно бардъ, —

Она столовыя всѣ ложки
Заложитъ тотчасъ же въ ломбардъ,
Иль туалетные уборы
Продастъ торговкѣ толкуна...
Какъ не любить мнѣ Митродоры,
Когда она — моя жена!...

Когда-жъ въ дни прежніе рядилась,
Была царицей бальныхъ сферъ,
Она въ натурщицы годилась
Для разныхъ нимфъ и для венеръ.
Грудь выгибалась какъ рессоры,
Лицемъ — румяная луна...
Какъ не любить мнѣ Митродоры
Когда она — моя жена!

По службѣ вышли безпорядки,
Пришелъ домой — готовъ обѣдъ
И пироги и каша сладки,
И сладокъ искренній привѣтъ.
Порой, положимъ, были ссоры,
Но ихъ смѣняла тишина, —
Какъ не любить мнѣ Митродоры,
Когда она — моя жена.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

I.

ВЪ МОГИЛѢ.

Ночь надъ мертвымъ тяготѣла;
Вкругъ могилы тишина...
Мозгъ застылъ, замерзло тѣло...
Я лежалъ въ оковахъ сна.

Я лежалъ въ сырой могилѣ
И проснулся: слышу—стукъ;
Голоса-ли тамъ, шаги-ли—
Я не понялъ—странный звукъ.

«Гейне, Гейне! Гдѣ ты, гдѣ ты?»
Слышу голосъ въ высотѣ.
То россійскіе поэты
Подошли къ моей плитѣ.

— Гейне, встань! Твои мотивы
Перевелъ я, — сбрось свой сонъ!

Пѣсни Гейне будутъ живы!—
Шепчетъ Майковъ Аполлонъ.

«Не могу изъ темныхъ сводовъ
Я подняться, Майковъ, вновь:
Отъ россійскихъ переводовъ
Въ жилахъ снова мерзнетъ кровь.

— Гейне, встань! Мы, для примѣра,
Познакомимъ русскій свѣтъ
Съ «Jntermezo», съ «Bomanzero!...
Шепчутъ Миллеръ, Бергъ и Фетъ.

Не тревожьте Гейне кости.
Если кончится вашъ трудъ,
Я — умру тогда отъ злости,
Люди — со смѣху умрутъ.

— «Гейне! Прачекъ, водовозовъ
Познакомлю я съ тобой,
Только встань!...» И Водовозовъ
На могилу палъ съ мольбой

И, склонившись у гробницы,
Вынувъ толстую тетрадь,
Изъ «Германіи» страницы
Въ переводѣ сталъ читать.

Этой рубленною прозой
Я былъ такъ въ гробу смущенъ,
Что подъ новой тяжкой грезой
Снова впалъ въ могильный сонъ.

II.

ДѢВИЦѢ ПОЛѢ.

Изъ слезъ моихъ взойдутъ средь поля
Все ели, ели,
Сквозь этотъ лѣсъ пройдешь ты, Поля
Лишь еле—еле.
Хотя бы грудь мою страданья
Все ѣли, ѣли,
Я утоплю воспоминанья
Лишь въ элѣ, въ элѣ.

III.

— Тебя люблю! — «Люблю сама я!»
Ты мнѣ шептала, вся горя.
Любили мы съ начала мая
До сентября.

Но въ сентябрѣ ушла къ нему ты,
Ушла со всѣмъ своимъ добромъ...
И сталъ смотрѣть отъ той минуты
Я сентябремъ.

IV.

Неподвижно тамъ, въ эфирѣ,
Звѣзды полночи горятъ,
Въ золотомъ своемъ мундирѣ,
Словно вышли на парадъ.

Смыслъ рѣчей ихъ съ темнымъ слогомъ
Съ незапамятныхъ временъ
Ни единымъ филологомъ
Не былъ въ мірѣ разрѣшенъ.

Мы всегда противорѣчимъ,
Разбирая ихъ языкъ,
Лишь одинъ Востоковъ съ Гречемъ
Къ ихъ гримматикѣ привыкъ.

V.

Благоуханнаго лобзанья
У рока долго я молилъ
И, наконецъ, изъ состраданья
Его въ награду получилъ.

Турчанка-ль ты? Кто это знаетъ?
Но понялъ я, къ тебѣ влекомъ:
Твой поцалуй благоухаетъ
Всегда турецкимъ табакомъ.

VI.

Была весна. Изъ сада несся гулъ,
Пѣлъ соловей, пѣлъ сладострастно такъ…
Прошли мы весь любовный артикулъ,
Ты обняла, а я свѣчу задулъ
И…. мракъ.

Осенній день и вѣтра рѣзкій звукъ,
Съ деревьевъ листья падаютъ кругомъ…
Ты реверансъ мнѣ сдѣлала, мой другъ,
Я-жь повернулъ на лѣво-кругъ.
Гомъ.

VII.

Мнѣ попалась въ январѣ ты, —
Эта памятна зима, —
Ты взглянула изъ кареты
И — свела меня съ ума.

Что-жь! Едва бѣды не вышло….
Но тебя-ль винить я могъ,
Что твоей кареты дышло
Мнѣ заѣхало въ високъ?

Ясный взоръ твой — дышло тоже;
Я саженъ имъ на убой, —
Такъ високъ ли мнѣ дороже
Сердца, взятаго тобой?

VIII.

За картой раскрытой
Играю въ лото,
Но въ цифрахъ игры той
Читаю не то.

Мнѣ цифра любая,
О миломъ поётъ,
И съ мокраго лба я
Стираю лишь потъ.

— «Семнадцать!» Тотъ номеръ
Мнѣ очень знакомъ;
И ей не дано мѣръ
Скрыть адресъ и домъ.

Вотъ голосъ: «четыре!»
Четвертый ужъ годъ
Въ уютной квартирѣ
Закрылся мнѣ входъ.

«Одиннадцать!» Стало
Мнѣ скверно въ тотъ разъ;
Ты мнѣ измѣняла
Одинадцать разъ.

Такъ въ клубѣ, небритый,
Игралъ я въ лото,
Но въ цифрахъ игры той
Читалъ я не то.

IX.

Свѣтъ глупъ и слѣпъ, но ты, малютка,
Но ты, ей Богу, не глупа,
Хоть не нашла въ тебѣ разсудка
Пустая сплетница-толпа.

Предъ красотой твоей склонялся
И цѣлый міръ, и ты сама,
Я отъ нея вдругъ помѣшался,
Ты отъ нея — сошла съ ума.

X.

На сѣверѣ дальнемъ, надъ снѣжною пашней
Стоитъ—но стоитъ не сосна,
Стоитъ тамъ редакторъ «Бесѣды Домашней»
Подъ чарами темнаго сна.

И снится ему берегъ дальняго юга
И южный какой-то журналъ,
видитъ во снѣ, что Говорскаго друга
Онъ страстно къ груди прижималъ.

XI.

Какъ много страстнаго огня
И клятвъ съ лобзаньями тутъ было,
И въ это время ты меня
На память больно укусила.
(Гейне, переводъ Н. Грекова).

Разлуки долгой наказаніе
Намъ вновь не знать,
Едва пріѣхалъ изъ Казани я —
Ты здѣсь опять.
Ты такъ отлично обнимаешься,
Такъ горячо,
Но.... ай!... зубами мнѣ впиваешься
Зачѣмъ въ плечо?...
Пусть ты жарка, какъ муза Грекова,
Какъ пылъ огня,
Но для чего,—дивить вѣдь не кого —
Кусать меня?

XII.

Любили мы. Намъ цѣлый міръ
Тогда въ иномъ казался свѣтѣ,
Я—былъ затянутъ въ свой мундиръ,
А ты—была въ корсетѣ.
Мы разлюбили. Души спятъ,
И прежней живости нѣтъ въ музѣ;
Я—нарядился въ свой халатъ,
А ты—привыкла къ блузѣ.

XIII.

Вѣтеръ сердито въ окошко врывается,
Ставень стучится о гвоздь....
Чѣмъ-то мой ангелъ теперь занимается?
«Сплетней чай!»—шепчетъ мнѣ злость.
Чтожъ? этимъ всѣ мы теперь развлекаемся,
Ближнихъ коря и виня.
Милая! сплетничай: вмѣстѣ покаемся,
Только люби ты меня.

XIV.

Звукъ музыки, блескъ и цвѣты....
Раскинулся пологъ прозрачный,
И пьютъ за здоровье счастливой четы,
Счастливой четы новобрачной,
Звукъ музыки, блескъ и цвѣты....
Объятья и лепетъ коварный...
— О, ванька! вези жъ меня ты
Въ Фонарный, въ Фонарный, въ Фонарный!

XV.

Любовь насъ скрѣпляла и долго, и крѣпко, и прочно,
Пока я безумно влюбленъ былъ въ подругу.... заочно.
На сѣверѣ, въ Лужскомъ уѣздѣ, гостила подруга,

*

А я отправлялъ къ ней посланія жаркія съ юга,
Насъ часто обоихъ вопросы такіе томили:
Зачѣмъ между нами лежатъ эти скучныя мили?
Но вотъ наконецъ-то сошлись мы съ подругой...
и что-же?
Жизнь наша пошла ужь совсѣмъ ни на что не
похоже.
Явились и ссоры, и ревности женской причуды,
А ссоры кончались осколками битой посуды.
И сталъ я подругу молить: отправляйся на югъ
ты:
Тамъ солнце теплѣе, тамъ зрѣютъ пресладкіе
фрукты.

XIV.

Сонъ мой тотъ же. Въ немъ не то ли,
Что встрѣчалъ я на яву:
Тотъ-же бюстъ Барклай-де-Толи,
Тѣжъ на невскомъ rendez-vous,
Тѣже лавки, экипажи,
Даже вывѣски тотъ цвѣтъ,
Гдѣ читаемъ на пассажѣ:
«Семь бильярдовъ и буфетъ.»
Тажъ контора Базунова,
Тѣ жъ эстампы на окнѣ...
Боже мой! Ничто не ново,
На яву, какъ и во снѣ.

Сцены

ПОЭТЪ И ПРОЗАИКЪ.

ПОЭТЪ

Ты, огнедышущее око,
Лучами жги весь горизонтъ!..

ПРОЗАИКЪ

Послушай, намъ идти далеко:
Не худо бы раскрыть свой зонтъ.

ПОЭТЪ.

О, птицы! Славьте лучь денницы,
Воспойте розовый востокъ!..

ПРОЗАИКЪ.

Милѣй мнѣ жареныя птицы:
Я пѣвчихъ птицъ терпѣть не могъ.

ПОЭТЪ.

Весенній воздухъ дышетъ сладко!..
Живѣй струится кровь во мнѣ...

ПРОЗАИКЪ.

Какъ разъ затреплетъ лихорадка:
Надѣть, совѣтую, кашне.

ПОЭТЪ.

Душѣ и весело и жутко...
Пресыщена моя душа!..

ПРОЗАИКЪ.

Теперь бы, впрочемъ, для желудка
Была бы пища хороша.

ПОЭТЪ.

Оставь меня! Восторгъ поэта
Тебѣ-ль понять? Ты духомъ—сиръ.

ПРОЗАИКЪ.

Восторгъ—восторгомъ, а котлета
Вкуснѣй, чѣмъ солнце и эфиръ.

ПОЭТЪ.

Ты эгоистъ и черствый книжникъ:
Ты вѣчно можешь разсуждать...

ПРОЗАИКЪ.

Да, я тебѣ плохой сподвижникъ:
Не стану къ сердцу жать булыжникъ
И воздухъ съ трепетомъ сосать.

ПОЭТЪ *(съ негодованіемъ отходя прочь).*

Природа-мать! Мы съ музой нашей
Тебя прославимъ до конца...

ПРОЗАИКЪ.

Зови природу хоть мамашей
И даже именемъ отца,
Но все-жь рожденъ ты смертнымъ мужемъ:
Рискъ безполезный для чего жъ?
Такъ будь внимательнѣе къ лужамъ
И вылей воду изъ галошъ.

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ СЦЕНА.

(Поле; вдали виднѣнъ лѣсъ. Дорога идетъ по пнямъ и кочкамъ).

Павелъ Кирсановъ *(въ легкомъ пальто и съ лентой черезъ плечо, на которой виситъ бинокль).*

Ужасно дикія мѣста!...
Сознаться въ томъ мнѣ непріятно:
У насъ природа не чиста
И, какъ славяне, неопрятна.
Сегодня — пыль, а завтра — грязь.
Мостковъ нельзя ногою трогать
На милой родинѣ, боясь,
Что непремѣнно ступишь въ деготь...
Мужикъ вотъ ѣдетъ, напримѣръ, —
У нихъ у всѣхъ понятья узки...
Скажи, пожалуйста, mon cher:
Ты понимаешь по французски?

(Крестьянинъ смотритъ молча и съ удивленіемъ).

Ба! Такъ и есть!... Ужъ сталъ въ тупикъ.
Но, можетъ быть, совѣтъ полезный
Услышу я. Скажи, любезный,
Какъ мнѣ здѣсь выдти на прямикъ
Къ большой дорогѣ?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Да дорогой.
Ступай и выйдешь на шоссе...
Ну, трогай что-ли, бѣлоногій!..

(Уѣзжаетъ).

КИРСАНОВЪ.

И вотъ они такіе всѣ!..
Я не привыкну къ этой расѣ.
Когда кругомъ себя взгляну,
Невольно вспомню и вздохну
О милой Брюлевской террасѣ.
Народъ невѣжественъ, не чистъ,
Живетъ безъ комфорта и знанья,
А кто вкусилъ образованья —
Такъ непремѣнно нигилистъ.
Hela! Нхъ ненавистъ и злобу
Я испыталъ уже вполнѣ.
Но гдѣ-жъ я! Кажется, въ трущобу
Попалъ я въ этой сторонѣ.
Здѣсь можетъ жить лишь волчье стадо,
Не продерешься сквозь кусты...

Но вотъ какая-то ограда,
За ней могильныя плиты...
Вѣдь это, кажется, кладбище!
Живой души здѣсь не найдешь.

(Входитъ за ограду. На одномъ изъ камней сидитъ Аполлонъ Коляскинъ и на взрыдъ плачетъ).

КИРСАНОВЪ.

Кто это? Слушай-ка, дружище!
О чемъ такъ горько слезы льешъ?

А. КОЛЯСКИНЪ.

О чемъ? Душа моя страдаетъ.
Здѣсь муза скорбная поетъ:
„Все, что прекрасно—умираетъ,
„Все, что бездушно—то живетъ".
Жизнь гаснетъ жертвой новыхъ бредней,
И вмѣсто пѣсенъ рвется стонъ.

КИРСАНОВЪ.

Но кто ты?

А. КОЛЯСКИНЪ.

Лирикъ я... послѣднiй,
Пѣвецъ Коляскинъ Аполлонъ.
Я здѣсь оплакиваю кости
Журналовъ павшихъ и газетъ
На ихъ заброшенномъ погостѣ;
Я, какъ развѣнчанный поэтъ,
Пришелъ къ друзьямъ почившимъ въ гости:
Безъ нихъ мнѣ въ мiрѣ дѣла нѣтъ.

Одинъ остался на землѣ я,
Пѣть не могу и не хочу
И лишь на праздникъ юбилея
Куплеты тощіе строчу.
Подъ общій смѣхъ и гулъ проклятій
Въ осколки лиру я разбилъ
И на погостъ усопшихъ братій
Съ надгробной пѣсней поспѣшилъ.

Кирсановъ.

Кто-жъ здѣсь лежитъ? чьи здѣсь могилы?

А. Коляскинъ.

Смотри сюда и плачь, пришлецъ!
Здѣсь сгибли прессы нашей силы,
За мудрецомъ почилъ мудрецъ.
Въ единый годъ ихъ всѣхъ не стало...
(Я къ ихъ плитамъ губами льну)
Да, въ мірѣ нѣтъ теперь журнала,
Гдѣ можно пѣть, какъ въ старину.

Кирсановъ.

Давно я родину оставилъ.
Веди меня... Вонъ тамъ въ углу
Могила чья?

А. Коляскинъ.

Тамъ *Усовъ Павелъ*
Похоронилъ свою «*Пчелу*»
На нашей нивѣ — лучшій колосъ

Погибъ безславно отъ серпа...
Хоть данъ толпѣ въ замѣну «*Голосъ*»
Но не утѣшилась толпа.

Кирсановъ.

Я съ этимъ мнѣньемъ солидаренъ...
Какъ ты быстра «рѣка временъ»!
Mon Dieu! давно-ль Ѳаддѣй Булгаринъ
Писалъ субботній фельетонъ,
И вотъ листы чертополоха
«*Пчелы*» гробницу заросли.

А. Коляскинъ.

Вотъ здѣсь зарытъ журналъ «*Эпоха*».
Стрижи эпохи не снесли
И пали жертвой скомороха.
Я рвалъ три дня здѣсь волоса...
Вонъ тамъ палъ «*Якорь*» и «*Оса*»...

Кирсановъ.

А вонъ, я вижу, изъ навоза
Торчитъ какая-то плита.
Кто спитъ подъ ней?

А. Коляскинъ.

Журналъ «Заноза».

Она была непонята
И юморъ свѣжій, чисто русскій
Червямъ могильнымъ сталъ закуской,

А надъ «Занозою» теперь
Смѣются...

Кирсановъ.

Дикое злорадство!

А. Коляскинъ.

Вотъ здѣсь отъ денежныхъ потерь
Слегло «Народное Богатство».

Кирсановъ *указывая на двѣ свѣжія вырытыя могилы.*

А тутъ кому же суждено
Погибнуть всѣмъ въ нравоученье?

А. Коляскинъ.

Тѣ ямы вырыты давно.
Здѣсь — ляжетъ спать журналъ Михно,
Тамъ — «*Библіотека для Чтенья*».
Журналы тѣ еще живутъ.
Но такъ больны и слабы оба,
Что ямы вырыли имъ тутъ
И приготовили два гроба.
О, незнакомецъ! Ты поймешь
О чемъ теперь, тоскуя, плачу,
Безъ нихъ я, какъ истертый грошъ,
Ужъ ничего теперь не значу...
Остались петля мнѣ иль ножъ...

Кирсановъ.

Да, жалко... Лопнула подписка....

Но я спросить хотѣлъ все васъ:
Здѣсь куафера нѣтъ-ли близко?
Привыкъ я бриться въ этотъ часъ.

(А. Каляскинъ не слышитъ вопроса и разражается новыми рыданіями).

(Занавѣсъ падаетъ).

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Новый переводъ по списку, найденному между бумагами Михаила Бурбонова.

1.

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о полку Игоревѣ...

Аль затягивать, ребята,
Нашу пѣсню для славянъ?
Кромѣ сала и булата,
Русь баянами богата,
Чтó ни шагъ у насъ баянъ.
Въ старину боярскій теремъ
Былъ баянамъ вѣщимъ радъ,
Нынче — мы въ поэта вѣримъ
И восторга не умѣримъ,
Хоть бы создалъ онъ «Разладъ».
Въ старину баяна гусли
Развлекали русскій свѣтъ;
Нынче свиньи-ль, овцы, гусь-ли
Въ садъ войдутъ—и поетъ Фетъ.

Что не соколовъ спускали
Въ старину на лебедей,
То баяны распѣвали:
Только струны рокотали,
Только груди трепетали
Подъ кольчугой у людей.

Наша пѣсня съ тѣмъ же толкомъ,
Совершаетъ чудеса:
Рыщетъ въ полѣ сѣрымъ волкомъ,
Мчится зайцемъ по проселкамъ,
Перепелкою — по елкамъ
И заносчивымъ орленкомъ
Улетаетъ въ небеса.

Хоть спросите у Галахова —
Всѣ пѣвцы закала лучшаго;
Отъ Полонскаго до Страхова,
Отъ Щербины и до Тютчева,
Отъ піиты премудренаго
Передъ кѣмъ вся Русь растаяла —
Розенгейма свѣтъ-Михаила
До Михаила Бурбонова.

Такъ воззмемъ же гусли въ руки,
Снова пѣсни потекутъ...
Пусть докажутъ пѣсенъ звуки,

Что отъ дѣдовъ наши внуки
Ни на шагъ не отстаютъ.

II.

Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ
отъ него тьмою вся воя прикрыты.

Смотритъ въ небо Сикофантовъ князь.
Видитъ меркнетъ солнце ясное,
Заслонила солнце на небѣ
Нигилизма туча черная.
И промолвилъ Сикофантовъ князь
Предъ Московскою дружиною:
«Други-братья, помужаемся!
Нигилистовъ всѣхъ въ полонъ возьмемъ.
О, проклятая утопья!
Уничтожу эту топь я...
Братцы, ринемся мы въ сѣчь
Преломить стальныя копья,
Иззубрить славянскій мечь».

Вся Москва сверкнула пиками,
Загудѣла подъ копытами,
Застенала всюду кликами
И угрозами сердитыми.
Встала буря надъ славянами —
Нигилистами опальными,
Поражая ихъ романами

*

И протестами журнальными.
Что не громъ гремитъ за тучею,
Потрясая землю сирую —
«Русскій Вѣстникъ» длань могучую
Поднялъ съ тяжкою сѣкирою,
И, краснѣе цвѣта макова,
Подъ славянскою поддевкою,
Поднимаетъ «День» Аксакова—
Булаву съ лихой снаровкою...
Вотъ «Отцы и дѣти» на-полѣ
Нигилистовъ поцарапали,
Ихъ нечесанную бороду
Потрепати всласть по городу,
Всѣ отъ малаго до стараго
Рвали за полы Базарова
И предъ тѣмъ врагомъ измученымъ
Всплыли «Моремъ взбаламученнымъ».
Поражая племя новое,
Встало «Марево» суровое.
Мысль пришла и Боборыкину —
«Дай и я здѣсь штуку выкину»,
И Стебницкаго твореніе
Онъ пустилъ на посрамленіе.

16

Длилась битва ровно три года.
Изгнанъ врагъ безъ состраданія.

«Нигилистомъ быть — невыгода»,
Порѣшили всѣ изданія.

III.

Комони ржутъ за Сулою; звенить слава
въ Кыевѣ. .

Кони ржутъ за Сулою,
Публицисты—въ «Вѣсти»,
На Невѣ и въ Кіевѣ
Всѣ заржали вмѣстѣ.
Восклицаетъ Бергъ Ѳита:
Ахъ ты, буй-туръ Всеволодъ?
Аль въ насъ вынче силы нѣтъ?
Аль съ тобой я не молодъ?
Встань же съ балалайкою,
Пой стихотворенія,
Мной давно ужь собраны
Всѣ мои творенія,
Майковымъ исправлены,
Меемъ Львомъ дополнены,
Тютчевымъ навѣены,
Чувствомъ преисполнены,
Розенгейму вѣдомы,
Фетъ вошелъ разъ въ пассію,
Лишь пропѣлъ я пѣсенку
Фету Афанасію.

IV.

ПЛАЧЬ НОВОЙ ЯРОСЛАВНЫ (*).

Не кукушка куковала
За околицей на сѣнѣ, —
Причитая, тосковала
Туръ Евгенія на Сенѣ:
«Русь... морозитъ... санный полозъ
Рѣжетъ снѣгъ.... виситъ туманъ...
Напишу статью я въ «Голосъ»
Для спасенія славянъ.
По салонамъ, по бульварамъ
Я замѣтила давно
Что россійскимъ нашимъ барамъ
Три несчастія дано.
Есть ужасныя три книжки;
Кинглокъ, Бокль и Милль.... Увы!
Ихъ читаютъ всѣ мальчишки
Отъ Урала до Невы».

(*) «Г-жа Е. Туръ въ письмахъ своихъ изъ Парижа гнѣвалась за то, что между русскими невѣждами развилась сильная охота читать и изучать трехъ авторовъ: Бокля, Милля и Кинглока; гнѣвалась за то, что эти три книги встрѣчаются вездѣ и всюду; гнѣвалась она за то, что Бокль въ Россіи «удостоился чести двухъ переводовъ»...

Не кукушка куковала
За околицей на сѣнѣ, —
Причитая, тосковала
Туръ Евгенія на Сенѣ:
«Вѣтеръ, вѣтеръ! Въ наказанье,
Вызывая много слезъ,
Три зловѣщія изданья
Ты на сѣверъ перенесъ.
Али нѣтъ тебѣ простора
По поднебесью летать?..
Книги злобы и раздора
Унеси отъ насъ опять.
И покуда ядъ не выпитъ,
Чтобъ нашъ сѣверъ отдохнулъ,
Занеси ихъ хоть въ Египетъ,
Въ дальній Пекинъ иль въ Стамбулъ.»
Не кукушка куковала
За околицей на сѣнѣ, —
Причитая, тосковала
Туръ Евгенія на Сенѣ:
«О, Нева, ты королева
Между рѣкъ страны родной,
Такъ зачѣмъ въ порывѣ гнѣва
Не затопишь ты волной
Этихъ книжекъ хламъ ненужный?..
О, нахмурь свой гнѣвный ликъ

И струей своей жемчужной
Смой печать зловредныхъ книгъ.
Разыграйся на просторѣ
Волю дай своей волнѣ,
Пусть онѣ въ Балтійскомъ морѣ
Отдохнутъ на темномъ днѣ».
Не кукушка куковала
За околицей на сѣнѣ, —
Причитая, тосковала
Туръ Евгенія на Сенѣ:
«Солнце, солнце! ты пригрѣло
Бокля, Милля вредный трудъ
И печатаютъ ихъ смѣло
И въ Россіи издаютъ.
Солнце красное! На свѣтѣ
Жечь лучи твои могли,
Такъ сожги ты книжки эти,
Ихъ листы испепели,
Чтобъ никто отравы не пилъ
Отъ зловѣщаго труда,
Чтобы даже самый пепелъ
Разлетѣлся безъ слѣда».

ШУТНИКИ.

ОПЫТЪ ЛИБРЕТТО СОВРЕМЕННОЙ ОПЕРЫ-ВОДЕВИЛЯ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Гамлетъ, принцъ Датскій . . . . . Михаилъ Петровичъ Кречинскій . .	Г. Самойловъ
Александръ Андр. Чацкій	Г. Марковецкій.
Иванъ Александровичъ Хлестаковъ .	Г. Алексѣевъ.
Офелія.	Г-жа Громова.
Отелло.	Г. Нильскій.
Дездемона	Г-жа Воронова.
Король Лиръ . . . . А. А. Загорѣцкій.	Г. П. Каратыгинъ.

Хоръ артистовъ.

Дѣйствіе происходитъ.... гдѣ вамъ угодно, ну, хоть во время репетиціи на подмосткахъ Александринскаго театра.

Общій хоръ.

Есть талантъ у насъ, у всѣхъ:
Мы кого жъ, кого дивили,
Возбуждая въ драмахъ — смѣхъ
И зѣвоту — въ водевилѣ?
Всѣ мы стали велики,
Не боимся злыхъ рецензій
И играемъ безъ претензій
Потому что... шутники.

Правый мужской хоръ.

1.

Нашъ репертуаръ, —
Онъ лишь съ виду старъ, —
Былъ всегда обиленъ:
Гамлетъ, «Вицъ-мундиръ»,
Кукольникъ, Шекспиръ,
Сухово-Кобылинъ...

2.

Тоньше телескопа
Зрѣнье Губошлепа,
Съ нимъ намъ жить красно.
Посвятилъ намъ органъ
(Всѣхъ привелъ въ восторгъ онъ)
Господинъ Михно.

Лѣвый мужской хоръ.

Кто изъ насъ постигъ
Таинство кулисъ,
Истинный шутникъ
Понялъ свой девизъ:
Выучи-ка роль —
Все, что ни дадутъ;
Въ Гамлетѣ — король,
Въ Лирѣ — будь ты шутъ.
Истинный актеръ,
Не боясь вралей,
Въ жизни лямку теръ
Въ тысячѣ ролей.

Женскій хоръ.

1.

Незнакома всѣмъ намъ спячка.
Нами публикѣ дана
И «Параша Сибирячка»
И... и «Лиза Ѳомина».

2.

Среди насъ есть талантъ исполинскій —
Линской.
Что-жъ, довольно для сцены родной
И одной.

3.

Купчикъ, матушкинъ сынокъ-ли
Хлыщъ-ли, старый другъ кулисъ —
Наводите всѣ бинокли
На актеровъ и актрисъ.
Въ фарсахъ мы поемъ куплеты,
Въ драмахъ плачемъ для райка
И затащимъ на балеты
Хоть предъ смертью старика.

Общій хоръ.

1.

Много въ насъ жара
Для бенуара,
Смѣлость есть даже
Для бельэтажа;
Есть важность тона
И для балкона;
Выборъ нашъ веселъ
Тоже для креселъ,
А на повѣрку...
(пауза)
Только галлерку
(Право, не такъ-ли?)
Тѣшатъ спектакли.

2.

О, галлерея!
Вѣренъ твой судъ!
Тамъ намъ скорѣе
Лавры сплетутъ.

Марковецкій (выходитъ съ ролью Чацкаго въ рукахъ).

Вотъ фраза, — просто страхъ!
Забылъ ужь съ первыхъ строкъ.

(читаетъ).

«Чуть свѣтъ ужь на ногахъ,
И я у вашихъ ногъ»...
Нашлись вѣдь господа
И подняли вдругъ шумъ,
Что будто я всегда
Вру роли на обумъ,
Но этотъ монологъ
Я твердо знаю... ахъ!..

(припоминаетъ и спутываетъ фразу).

«Весь свѣтъ у вашихъ ногъ,
И я ужь на ногахъ».
О! я въ спектакль одинъ
Роль Чацкаго создамъ,
Сведу съ ума мужчинъ,
Влюблю въ себя всѣхъ дамъ.

Г. Нильскій и **Г-жа Воронова** (въ роляхъ Отелло и Дездемоны).

Воронова.

Какъ мнѣ стоять предъ сценой оною:
«Отелло! я честна».

Нильскій (сверкая... запанками на рукавахъ).

Здѣсь зареву предъ Дездемоною:
Змѣя, а не жена!

Воронова.

О, мой Отелло! (здѣсь два стона).

Нильскій.

Молчи... (съ хрипѣньемъ), Дездемона!

Хоръ.

Крокодиломъ нильскимъ
Захрипѣлъ Отелло.
Понять Мавръ сей Нильскимъ—
Говоримъ мы смѣло.

Г-жа Громова (въ роли Офеліи, поетъ).

«Моего-ль вы знали друга?
Онъ былъ бравый молодецъ»...
Голосъ хрипнетъ отъ испуга, —
Не подъ силу спѣть конецъ...
Ахъ въ умѣ-ли я!
Роль трудна...

Хоръ.

Пѣть, Офелія;
Ты должна.

Алексѣевъ.

Хлестаковъ я, положимъ...
Что жь, пусть смотрятъ по ложамъ,
Нѣтъ труда тутъ такого:
Отхвачу Хлестакова.

(говоритъ изъ «Ревизора)».

«Господа! я въ дорогѣ
Издержался немного»...

Хоръ.

Вѣрно, вѣрно... О, Боги!
У него въ монологѣ
Хлестаковскаго много.

Самойловъ (разомъ твердитъ роли изъ Гамлета и Кречинскаго).

— Га! Башмаковъ еще не износила
— Гмъ! милліонъ! вѣдь эка сила!..
— О, сердце! замолчи, хотя на краткій срокъ..
— Расплюевъ! а меня... меня спасетъ бычекъ.

Хоръ.

Такихъ артистовъ въ бѣломъ свѣтѣ
Съ огнемъ бы намъ искать пришлось:

Играетъ нынче онъ въ Гамлетѣ,
А завтра крикнетъ: «сорвалось!»
За то, въ Кречинскомъ онъ, порою,
Какъ датскій принцъ на мать кричитъ,
Иль вдругъ Кречинскаго игрою
Въ роляхъ Шекспировскихъ дивитъ.

П. Каратыгинъ. (Въ коронѣ Лира и въ костюмѣ Загорѣцкаго).

Шекспира тоже я разгадывать умѣю,
Какъ грибоѣдовской комедіи куплетъ.

(Въ позѣ Лира).

«Не подходя къ разгнѣванному змѣю!»
(Быстро повертывается на каблукахъ).
На завтрешній спектакль имѣете билетъ»?

(Въ позѣ Лира).

«О, дуйте вѣтры, чтобы я не слышалъ,
Какъ дочери отца бездомнаго клянутъ»...

(Въ позитурѣ Загорѣцкаго).

Какъ мнѣ не знать? Извѣстный случай вышелъ:
Его въ безумные упряталъ дядя плутъ».
Что-жъ? милъ и здѣсь и тутъ.
Да-съ, точно, двойственностью свѣтской
Вдвойнѣ готовъ дивить я міръ, —
То, какъ извѣстный Загорѣцкій,
То, какъ король несчастный Лиръ!...

Хоръ.

Насъ прославьте жъ въ мірѣ,
Дѣти, старики:
Въ фарсахъ, какъ и въ «Лирѣ»,
Всѣ мы шутники!

Насъ бранятъ открыто,
Но плетутъ вѣнки,
Потому что мы-то
Просто шутники.

Намъ любыя темы
Кажутся легки,
Потому, что всѣ мы
Только шутники.

(Занавѣсъ падаетъ).

ВЪ РИСОВАЛЬНОЙ ШКОЛѢ.

СЦЕНА.

(Засѣданіе комитета. Длинный столъ, за которымъ сидятъ члены престарѣлаго возраста).

ПЕРВЫЙ ЧЛЕНЪ.

Признаться нужно, въ наше время, —
Съ того начну я господа, —
Жизнь претяжелое есть бремя.
Но мы должны, какъ и всегда,
Служить искусству безпорочно...
Не такъ ли?

ТРЕТІЙ ЧЛЕНЪ.

Правда!

ЧЕТВЕРТЫЙ И ПЯТЫЙ ЧЛЕНЫ.

Точно, точно!

ПЕРВЫЙ ЧЛЕНЪ.

Начнемъ же дѣло. Нужно намъ,
На зло новѣйшему народу,

Опять задачи для программъ
Придумать къ будущему году.
Задачи для конкурсныхъ темъ
Обдумаемъ мы всѣмъ совѣтомъ,
И порѣшивши въ залѣ этомъ
Учениковъ сзовемъ за тѣмъ.

СТАРЕЦЪ.

Я для конкурса предлагаю
Походъ Олега на Царьградъ.

ТРЕТІЙ ЧЛЕНЪ.

Но эта тема, полагаю,
Уже была...

СТАРЕЦЪ.

А!.. очень радъ!..

ЧЕТВЕРТЫЙ ЧЛЕНЪ.

Намъ нужно почитать немножко
Исторію Карамзина.

ВТОРОЙ ЧЛЕНЪ.

Ну, нѣтъ! опасная дорожка...

ПЯТЫЙ ЧЛЕНЪ.

Его исторію? Она —
Помилуйте — такъ либеральна!..

СТАРЕЦЪ.

Гмъ!.. замѣчаніе похвально...
Я предложу вамъ тему.

ПЕРВЫЙ ЧЛЕНЪ.

Что-съ?

СТАРЕЦЪ.

Хаосъ изобразить, хаосъ,
До сотворенья міра.

ПЕРВЫЙ ЧЛЕНЪ.

Это
Ученикамъ не дастъ сюжета.

СТАРЕЦЪ.

Нельзя по вашему? А, ну...

ТРЕТІЙ ЧЛЕНЪ.

А я такъ выберу для темы
Тридцатилѣтнюю войну.

ПЕРВЫЙ ЧЛЕНЪ.

Прекрасно, такъ, согласны всѣ мы —
У васъ весьма изящный вкусъ,
Но намъ даетъ задачи шире
Въ своемъ «Олимпѣ» Петискусъ.
Намъ нужны миѳы. Въ этомъ мірѣ
Талантамъ всѣмъ готовъ искусъ.
По моему мы выбрать можемъ
Задачу для своихъ программъ
Изъ миѳологіи... положимъ
Хоть скандинавской... Такъ ли?

ЧЕТВЕРТЫЙ ЧЛЕНЪ.

Вамъ

Мы откровенно лишь замѣтимъ,
Что не знакомъ съ предметомъ этимъ
Съ богами скандинавскихъ сагъ,
Весь нашъ совѣтъ.

ПЕРВЫЙ ЧЛЕНЪ.

О, это такъ!
Я самъ невѣжда въ этомъ, каюсь,
Но наше дѣло — тему дать,
Учениковъ же — исполнять.

ВСѢ.

Я соглашаюсь, соглашаюсь!

ПЕРВЫЙ ЧЛЕНЪ.

И такъ, рѣшонъ теперь вопросъ.

СТАРЕЦЪ (раскрывая глаза).

Рѣшонъ?.. И я согласенъ тоже.
Хаосъ, прекрасно, пусть хаосъ
Дадутъ задачей молодежи.

СЕКРЕТАРЬ.

И такъ, мы завтра на совѣтѣ
Объявимъ всѣмъ ученикамъ
О вновь придуманномъ сюжетѣ
Для ученическихъ программъ.

(Всѣ встаютъ и начинаютъ расходиться).

СТАРЕЦЪ.

Поѣду я... Ахъ, кстати къ слову...

(къ сторожу).

Эй, ты, Евреиновъ, свѣти...

Кто хочетъ ѣхать по пути
Со мной къ профессору Брюлову?

ТРЕТІЙ ЧЛЕНЪ.

Но вѣдь онъ умеръ.

СТАРЕЦЪ.

Умеръ! Да?
Позабываю я всегда...
Гмъ! умеръ... экой случай странный:
Былъ человѣкъ не безталанный.

ЧѢМЪ ХУЖЕ, ТѢМЪ ЛУЧШЕ.

(ТЕАТРАЛЬНЫЙ АФОРИЗМЪ ВЪ ЛИЦАХЪ).

СЦЕНА 1-я.

ЗА КУЛИСАМИ.

(Занавѣсъ спущенъ. На сценѣ устанавливаютъ мебель и вещи. Актеры поправляютъ парики и костюмы).

ПЕРВАЯ ЛЮБОВНИЦА *(въ роли графини).*

Сейчасъ мнѣ нужно выходить.

ПЕРВЫЙ ЛЮБОВНИКЪ *(въ роли барона).*

За вами вслѣдъ я выйду скоро.

ОНА.

Но наши роли! Какъ же быть?
Теперь намъ поздно ихъ учить...

ОНЪ.

Одна надежда на суфлера.
Вѣдь публика знакома мнѣ:
Она лишь съ виду грубіянка,
Ей не въ художествѣ приманка,
А въ театральной трескотнѣ.

И такъ, жирнѣй натритесь пудрой,
На головѣ поправьте флеръ
И помните совѣтъ мой мудрый —
Въ бѣдѣ насъ выручитъ суфлеръ.

СЦЕНА 2-я.

НА СЦЕНѢ.

ГРАФИНЯ (одна и суфлеръ въ будкѣ).

СУФЛЕРЪ *(подсказываетъ хриплымъ голосомъ).*

Я нынче съ самаго утра
Готова прыгать и смѣяться.

ГРАФИНЯ.

Со мной какая-то хандра, —
Готова просто разрыдаться.

СУФЛЕРЪ *(подсказывая).*

Мишель здѣсь будетъ... О, Баронъ,
Страшитесь глазъ моихъ заранѣ.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ отъ тоски мнѣ оборонъ:
Я простудилась вѣрно въ банѣ.

СУФЛЕРЪ.

Придетъ — тотчасъ же сдвину бровь
И передъ нимъ надую губки.

ГРАФИНЯ.

Притомъ мнѣ спину стерли въ кровь
Мочалкой жосткой вмѣсто губки.

СУФЛЕРЪ *(про себя въ отчаяніи)*.

Я вотъ охрипъ, она—глуха,—
Все какъ на зло перевираетъ.

ГАЗЕТНЫЙ РЕЦЕНЗЕНТЪ *(въ креслахъ)*

Артистка эта безъ грѣха
И съ тонкой граціей играетъ.

БАРОНЪ *(входитъ)*.

СУФЛЕРЪ *(барону)*.

Я, наконецъ, у вашихъ ногъ,
У ногъ божественной графини.

БАРОНЪ.

Я весь вспотѣлъ и изнемогъ,
Ахъ, нѣтъ ли здѣсь воды въ графинѣ?

(Общее недоумѣніе).

СУФЛЕРЪ *(графинѣ)*.

Баронъ, болтаете вы вздоръ,
Какъ настоящій итальянецъ.

ГРАФИНЯ.

Баронъ, вы пьяны съ раннихъ поръ,
Я не люблю ужасно пьяницъ.

СУФЛЕРЪ *(подсказывая отчаяннымъ голосомъ)*.

Мое страданье велико:
Въ кокетствѣ вы, графиня, ловки.

БАРОНЪ.

Я пилъ, сударыня, клико,
И капли не бралъ въ ротъ дешовки.

СУФЛЕРЪ *(графинѣ).*

Садитесь здѣсь со мной, баронъ,
И окажите мнѣ услугу...

ГРАФИНЯ.

Я васъ прошу — идите вонъ,
Не то — я созову прислугу.

(Баронъ въ смущеніи уходитъ).

СУФЛЕРЪ *(не замѣчая его ухода).*

Баронъ, баронъ, люблю я васъ,
Я никогда такъ не влюблялась...

ГРАФИНЯ.

Ахъ, Боже мой, который часъ?
Ужасно я проголодалась...

ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ.

(Публика кричитъ: bravo! bis! автора!)

ГОЛОСЪ ИЗЪ КРЕСЛА.

Признать намъ всѣмъ давно пора
Блескъ театральнаго прогресса.
Рѣшитъ и общество, и пресса:
И остроумная піеса,
И превосходная игра...

ФАУСТЪ НА НЕВѢ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗІЯ.

ФАУСТЪ.

Забьенья дай мнѣ, сатана!
Мнѣ нужны отдыхъ и забвенье...
Лежу, мечусь, а все нѣтъ сна.
Дай сна мнѣ, адское творенье!..

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ты говоришь, какъ Пушкинъ пѣлъ:
«Морфей, до утра дай отраду...»
Но бѣса не таковъ удѣлъ,
Чтобъ онъ «тушилъ свою лампаду»,
Притомъ уснуть, мой мудрый другъ,
Ты можешь безъ моихъ услугъ.
Смотри: журналовъ цѣлый ворохъ
Передъ тобой со всѣхъ сторонъ,
И въ ихъ полемикахъ и ссорахъ
И безъ меня найдешь ты сонъ.
Читать ихъ, точно, есть геройство,

Но кто прочелъ, тотъ могъ узнать
Ихъ драгоцѣннѣйшее свойство —
Въ одно мгновенье усыплять.

ФАУСТЪ.

Къ тому ли чтенье привело бы?
Начну читать, и вмѣсто сна
Зашевелится демонъ злобы,
А имъ и такъ душа полна.
«Эпохи», «Дни», «Библіотеки»,
Литературная возня;
Литературные Ацтеки
Лишь только могутъ злить меня —
За тупоумье и фиглярство...
На этомъ невскомъ берегу
Найди мнѣ новое лекарство:
Я спать хочу, но не могу.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Въ тупикъ ты ставишь духа мрака,
Мой мудрый Фаустъ, но, однако,
Душа твоя—отличный призъ,
И я исполню твой капризъ.
Бѣсъ новый планъ тебѣ предложитъ.
Читалъ ты «Призраки?»

ФАУСТЪ.

Быть можетъ!..

Читалъ я много чепухи

И позабылъ, какъ всѣ стихи
Отъ жизни выцвѣтшихъ поэтовъ —
Полонскихъ, Майковыхъ и Фетовъ.
Къ чему жъ вопросъ твой, дьяволъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну,
Чтобъ кончитъ споръ нашъ безполезный,
Съ тобой, какъ въ «Призракахъ», начну
Прогулку я, мой другъ любезный;
Но полетимъ мы не надъ бездной,
Не окунемся въ темный адъ
(Тамъ души, знаешь ты, не спятъ),
Но полетимъ, — вѣдь быстръ, какъ лань, я, —
На петербургскія гулянья,
Осмотримъ гульбища слегка
И, можетъ статься, ихъ тоска,
Толпы, бродящія безъ цѣли,
Физіономій сонныхъ рядъ
Тебѣ задуматься велятъ
О тюфякѣ и о постели,
И вкусишь ты мертвецкій сонъ.

ФАУСТЪ.

Летимъ! Ты мудръ, какъ Эдельсонъ!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Но предъ тобой всѣ черти просты.
И такъ, впередъ!... Держись за хвостъ ты.

(Улетаютъ)

Смотри: вотъ Павловскій воксалъ.
Здѣсь льетъ Фюрстно въ оркестрѣ звуки,
Здѣсь весь экстрактъ блестящей скуки.
Иди за мной въ стеклянный залъ.
Какія дамы тутъ? Смотри ты...
Лицъ неподвижность, блескъ и свѣтъ...

ФАУСТЪ.

Подобья даже Маргариты
Межъ всѣми женщинами нѣтъ.
Въ словахъ естественной нѣтъ ноты:
Ужимки, сколки пошлыхъ фразъ...
О, бѣсъ! Придумалъ путь остро ты
И, вѣрь, до искренней зѣвоты
Довелъ меня на первый разъ.
Но этотъ гулъ несвязный, газъ
Тревожатъ только слухъ и зрѣнье,
Но не дадутъ мнѣ усыпленья.
Опять впередъ!

(Улетаютъ дальше)

Мы ужъ въ Лѣсномъ!
Здѣсь самый воздухъ вѣетъ сномъ,
Здѣсь сводятъ женщины веснушки,
Мужчины стуколкой живутъ,
Дѣтей смиряетъ грозный прутъ,
И даже самыя лягушки
Не оглашаютъ крикомъ прудъ.
Впередъ!..

(Летятъ еще далѣе).

ФАУСТЪ.

О, чортъ, я начинаю
Уже дремать. Куда теперь
Ты перенесъ меня — не знаю.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Намъ въ Тиволи раскрыта дверь.

ФАУСТЪ.

Постой въ аллеяхъ среди тьмы я
Людей замѣтилъ... всѣ молчатъ.
Ужель они глухонѣмые?

МЕФИСТОФЕЛЬ *(шопотомъ)*.

Здѣсь говоритъ имъ не велятъ
И скромныхъ лишь пускаютъ въ садъ.
Ну, Фаустъ, ротъ раскрой для пробы...

ФАУСТЪ. *(громко)*.

Ахъ, чортъ возьми, довольно, чтобы...

(Фауста прерываютъ и молча выводятъ за двери сада).

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну что, земной мой властелинъ?

ФАУСТЪ *(сонный)*.

Еще сеансъ, еще одинъ,
И я засну хотя на камнѣ...
Морфей, Морфей! Твоя рука мнѣ
Ужъ надѣваетъ черный флеръ...

МЕФИСТОФЕЛЬ *(уноситъ Фауста далѣе)*.

Мы полетимъ въ Шато-де-Флеръ.

Сюда летѣть имѣю цѣль я.
Хоть петербуржцы говорятъ:
«Здѣсь складъ столичнаго веселья»,
Но посмотри на этотъ складъ:
Кадриль въ пять паръ, Шандора чадъ
Задоръ, буфетомъ подогрѣтый,
Канканъ на парголовскій ладъ...

ФАУСТЪ *(въ дремотѣ).*

О, бѣсъ! Я сплю ужъ въ залѣ этой:
Клади хоть въ голову бревно.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

А женщины...

ФАУСТЪ.

Готовъ упасть я...
Гдѣ ни прилечь — мнѣ все равно...

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Взгляни: въ нихъ, вмѣсто сладострастья,
Цинизмъ, бѣлила и вино.
Вотъ тамъ одна: съ ней рядомъ—статскій,
Ну, хочешь познакомлю съ ней?

ФАУСТЪ *(едва раскрывая глаза).*

Я спать хочу... брось смѣхъ свой адскій.

МЕФИСТОФЕЛЬ *(уводя почти уснувшаго Фауста).*

Ну, если такъ, скажу, какъ Чацкій:
«Карету мнѣ, карету!..» Эй!..

ИЛЬ МАЛО НАСЪ?!.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПУТАНИЦА ИЗЪ ТЕАТРАЛЬНАГО СЕЗОНА 1865 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Н. Кукольникъ (авторъ Гофъ Юнкера).
Г. Вильде (Молодежь).
Г. Сѣровъ (Рогнѣда).
Г. В. Александровъ. (Орфей въ аду).
Г. Маннъ (Паутина).
Г. Лейкинъ (Не судьба).
Г. Соколовъ (Богданъ Хмѣльницкій).
Николай Хазиперовъ, герой изъ комедіи «Отрѣзанный Ломоть».
Миловидовъ, дѣйствующее лицо изъ комедіи на «Бойкомъ мѣстѣ».
Медвѣдь изъ «Рогнѣды».
Хоръ водевилистовъ.

Хоръ драматурговъ.

Русской прессы отголоски
Не волнуютъ въ насъ умы;
Театральныя подмостки
Украшали долго мы.
Такъ воспрянемъ же съ одра мы

И построимся въ каре...
Пусть кричатъ, что наши драмы
Лишь годятся въ циркъ Карре, —
Наполняя чудесами
Сцену русскую весь годъ,
Мы себѣ восплещемъ сами,
Не терясь отъ невзгодъ.
Нѣтъ ни чувства въ томъ, ни мысли,
Кто возстанетъ противъ насъ:
Мы несли на коромыслѣ
Драматическій нашъ квасъ
И тѣмъ квасомъ въ Петербургѣ
Утоляли жажду мы...
Славьтесь, славьтесь, драматурги,
Средь всеобщей кутерьмы.

1-й голосъ.

Къ чему бояться намъ насмѣшекъ злыхъ и кличекъ?
Не долгій срокъ живутъ насмѣшки тѣ?
Такъ яркій огонекъ отъ сѣрныхъ спичекъ
Блеснетъ и вновь угаснетъ въ темнотѣ.

2-й голосъ.

Иль мало насъ кругомъ? Иль для вѣнковъ побѣды
Отъ драмы «Не судьба» до пламенной Рогнѣды,

От пьесы Вильде «Молодежь»
До потрясенной «Паутины»,
Забывъ всѣ скорби и кручины,
Не вспрянетъ публика изъ ложъ?
Иль не знакомы намъ ея аплодисменты
И крики автору: «о, будь благословенъ ты»?..

Хоръ.

О, Кукольникъ! повѣрь: *Гофъ-Юнкеръ* твой
одинъ
Всѣхъ прелестью двойною поражаетъ:
Блеститъ, какъ *Юнкера* роскошный магазинъ,
И какъ напитокъ *Гофа* опьяняетъ.
Любезенъ ты для старцевъ и дѣтей,
Ты насъ дивишь стихомъ своимъ перловымъ
И авторовъ всѣхъ кукольныхъ статей
Ты, Кукольникъ, убьешь единымъ словомъ.

Авторъ Эвелины де Вальероль.

Я весь горю, я весь горю,
Какъ въ первый день свиданья...
Благодарю, благодарю
За ваши изліянья:
Душа въ избыткѣ чувствъ устала,
Въ груди, какъ въ Этнѣ, бурно...

(теряетъ чувства).

*

Мнѣ хорошо теперь такъ стало,
Что даже стало... дурно...

(падаетъ безъ чувствъ, его выносятъ).

Сѣровъ (входитъ объ руку съ Рогнѣдой).

Хоръ.

Объ успѣхахъ намъ повѣдай!
Сто́ишь высшихъ ты даровъ...

Сѣровъ.

На колѣни предъ Рогнѣдой!
На колѣни: здѣсь Сѣровъ.

(всѣ падаютъ на колѣни).

Хоръ.

Славься подъ сѣвернымъ кровомъ,
Славься Рогнѣда съ Сѣровымъ!
Въ оперу мчитесь всѣ скряги,
Пой ежедневно, Рогнѣда!
Вечеромъ послѣ обѣда,
Послѣ обѣда здорово
Слушать мотивы Сѣрова.

Сѣровъ.

О славѣ думалъ я когда-то,
Но что·такое эта слава?
На ветхомъ рубищѣ заплата
Или... статейка Ростислава.

(Уходитъ).

Н. Хазиперовъ *(входитъ справа; съ лѣвой стороны выглядываетъ медвѣдь изъ Рогнѣды).*

Надѣюсь, безопасно
На сцену выдти мнѣ:
Встрѣчаютъ насъ прекрасно
Въ родимой сторонѣ.
Съ Сѣровымъ даже леди
Какая-то пришла...
Ахъ, Боже! здѣсь медвѣди
Глядятъ изъ-за угла

(Медвѣдь приближается)

Я не нашутку испугался...
Сюда пускаютъ ихъ зачѣмъ?!..

Медвѣдь.

Любезный, я проголодался,
А потому тебя я съѣмъ.

(Ѣстъ его. Отъ Хазиперова остается только одно воспоминаніе и сапоги).

Миловидовъ *(съ пистолетомъ въ рукахъ проходитъ сцену).*

Изъ Загоскина романа
Я родился въ Божій свѣтъ
И ношу, боясь обмана,
Я въ корманѣ пистолетъ.
Господа, жестокъ я въ мести...

Прочь съ дороги! Я корнетъ
И всегда на «Бойкомъ мѣстѣ»
Дамъ пугалъ мой пистолетъ.

(Вдали обнимаетъ Рогнѣду и вмѣстѣ съ ней скрывается).

Лейкинъ.

Моя комедія слаба
И слышенъ былъ въ театрѣ ропотъ,
Но, господа, то первый опытъ...

Хоръ.

Пусть не страшитъ тебя журьба
И театраловъ пьяныхъ топотъ,
Творецъ піесы «Не судьба»!...
Ты съ этихъ поръ
Во весь опоръ
Пой съ ясной миной
Апраксинъ дворъ
И дворъ Гостиный.

Вильде.

Сталъ красенъ, какъ комъ мѣди я.
Иль словно мѣдный грошъ:
Плоха моя комедія
Подъ фирмой «Молодежъ»

Хоръ.

Не вѣрь зловѣщимъ толкамъ,

Свою піесу ловкую
Писалъ ты съ чувствомъ, съ толкомъ,
И съ должной постановкою.

В. Александровъ.

Я о себѣ одно сказать бы могъ.
«Орфей въ аду» плѣняетъ весь раекъ,
Хотя въ стихахъ хромыхъ не мало строкъ.

Хоръ.

Пускай хромаютъ! Пустяки.
Усни въ одномъ сознаньи сладкомъ,
Что надъ природнымъ недостаткомъ
Смѣются злые языки.

Маннъ.

Я скромность въ сторону откину
Себя вполнѣ я оцѣнилъ:
Самъ «Русскій Вѣстникъ» помѣстилъ
Въ одной изъ книжекъ «Паутину».

Хоръ.

Не будетъ публика въ обманѣ,
Когда посмотритъ «Паутину»,
И слава вѣчная объ Маннѣ
Заглянетъ даже въ Палестину.

Соколовъ.

А мой «Богданъ»?..

Хоръ.

Среди кулисъ ты
Сталъ выше всѣхъ у насъ кулисъ.

Водевилисты.

И мы, и мы водевилисты
Похвалъ не малыхъ дождались:
Хоть не бросали намъ букетовъ,
Но хохоталъ кругомъ народъ
Отъ Каратыгинскихъ остротъ
И отъ Григорьевскихъ куплетовъ,
И тамъ въ райкѣ у облаковъ
Сталъ популяренъ Куликовъ.

Общій хоръ.

И такъ друзья, пускай бичемъ призрѣнья
Встрѣчаютъ насъ враги,
Но все таки общественнаго мнѣнья
Мы рычаги.
Иль мало насъ? Иль въ жизни для побѣды
У насъ нѣтъ языка —
Отъ «Не судьбы» до пламенной «Рогнѣды»
И «Парика»?

(Общія лобзанья, слезы. Занавѣсъ опускается).

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

(ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНА).

Дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ странствующаго комика Суфлеркина, въ губернскомъ городѣ N. Суфлеркинъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ; въ его рукѣ «Гамлетъ» въ переводѣ Загуляева, Сумарокова тожъ.

Суфлеркинъ.

Быть иль не быть? сказалъ Гамлетъ.
Какъ принца датскаго, пять лѣтъ
Меня смущаетъ фраза эта:
Играть иль нѣтъ мнѣ роль Гамлѐта?
Положимъ, роль трудна,
Но все же дичь пороли,
Что будто бы она

(*) Погибшій органъ стрижей, въ числѣ разныхъ своихъ почвенныхъ несообразностей, не шутя совѣтовалъ одному посредственному комическому актеру взять на себя изученіе роли Гамлета, предсказывая ему неслыханный успѣхъ. Этотъ совѣтъ, возбудившій, вѣроятно, жажду славы во многихъ комикамъ, послужилъ основаніемъ и предлагаемой сцены съ натуры.

Совсѣмъ мнѣ не по роли.
Ну, вотъ,—смотрю въ трюмо,—
Гамлетъ по всѣмъ примѣтамъ,
И зеркало само
Твердитъ мнѣ: будь Гамлетомъ...
Подъ хлопанье и крикъ,
Игралъ я разночинцевъ,
Островскаго постигъ.
Й есть для роли принцевъ
Во мнѣ врожденный шикъ.

(Пауза).

Шекспиръ—титанъ, Шекспиръ—колоссъ!..
Слыхали разное вранье мы,
Но Загуляевъ, мудрый Россъ,
Однажды мѣтко произнесъ:
«Литературные пріемы
Шекспиру вовсе не дались» (*).

(Входятъ посѣтители: антрепренеръ N-го театра **Репертуаровъ,** *актеры:* **Каламбурцевъ, Панталоновъ** *и др.; гости).*

Репертуаровъ.

Ну, вотъ, мы къ вамъ и собрались
На репетицію Гамлета.

(*) Г. Загуляевъ, въ предисловіи къ своему сумароковскому переводу Гамлета, сдѣлалъ, между прочимъ, такое замѣчаніе: «Въ Шекспирѣ было полное отсутствіе литературныхъ пріемовъ...» Каковы литературные пріемы г. Загуляева!

Нѣсколько голосовъ.

Привѣтъ вамъ, новый нашъ Гамлетъ!..

Панталоновъ.

На счетъ манеръ и туалета
Я предложить готовъ совѣтъ...
Есть даже выкройка берета.

Каламбурцевъ.

Когда вы въ Торцовѣ не́ разъ подымали
Гамъ лѣтомъ,
Мы хоромъ тогда уже васъ признавали
Гамлетомъ.

Суфлеркинъ *(потупляя глаза).*

Я похвалы друзей цѣню,
Отъ нихъ лицо мое—пунцово...
Репертуарное *меню*
Хочу составить образцово
И роль Расплюева, Торцова
Теперь Гамлетомъ замѣню.

Хоръ.

Пусть тебя хоть свистомъ адскимъ
Встрѣтитъ публика изъ ложъ,
Принцемъ датскимъ и... аркадскимъ
Будешь дивно ты хорошъ.

Суфлеркинъ *(утирая слезы).*

Друзья, я плачу,—такъ мнѣ лестно...

Теперь пускай меня бранятъ
И унижаютъ повсѣмѣстно...

Репертуаровъ.

Намъ всѣмъ бы было интересно
На эту роль узнать вашъ взглядъ.

Суфлеркинъ *(торжественнѣ).*

А! взглядъ мой?.. Знайте: не являлись
Такіе трагики нигдѣ:
Иную мысль я и анализъ
Нашелъ въ шекспировскомъ трудѣ.
Въ Гамлетѣ робость и печаль мы
Встрѣчали съ давней ужь поры.
Съ игры и Гаррика и Тальмы
И до Самойлова игры,
Сомнѣнье, гнѣвъ, разстройство въ нервахъ..
Но не таковъ мой съумазбродъ:
Гамлетъ мой пьяница — во первыхъ:
Пьянъ всѣ пять актовъ на пролетъ.
Онъ былъ то мнительнымъ, то рѣзвымъ,
То дерзкимъ въ обществѣ льстецовъ,
Лишь потому что не былъ трезвымъ:
Пьянъ вѣчно, какъ Любимъ Торцовъ.

Первый гость.

Я зналъ, что поздно или рано
Роль эта приметъ новый цвѣтъ.
Такъ поступать лишь можно съпьяна,
Какъ поступалъ всегда Гамлетъ.

Второй гость.

Ура! При этомъ новомъ фактѣ
Гамлетъ разгаданъ до конца.

Суфлеркинъ.

Онъ даже пьянъ ужъ въ первомъ актѣ
И съпьяна видитъ тѣнь отца.
Когда бы былъ онъ посмышленнѣй
И съ вѣчнымъ пьянствомъ не знакомъ,
Ему, навѣрно бы, Полоній
Не показался рыбакомъ,
Не звалъ бы дяди онъ мамашей,
Былъ въ обращеньи тихъ и простъ
И, просидѣвъ за винной чашей,
Не шлялся бъ ночью на погостъ
И, какъ мальчишка ошалѣлый
Предъ королевой не грубилъ...
Приливъ, приливъ горячки бѣлой
Въ Гамлетѣ разумъ помутилъ.

Хоръ.

Слезы отъ радости выточи,
Публика: старцы, дѣти!..
Кто былъ великимъ въ Титъ Титочѣ,
Будетъ великимъ въ Гамлетѣ,—
Роль эту выполнитъ заново,
Вѣрный идеѣ Шекспира,

Выполнитъ Гамлета пьянаго
Къ гордости трезваго міра.

Суфлеркинъ.

Теперь, чтобъ каждый видѣть могъ
Каковъ въ игрѣ я,
Извѣстный всѣмъ вамъ монологъ
Прочту скорѣе.
(Становится въ позицію Гамлета).
«Быть иль не быть,—вотъ въ чемъ вопросъ!..
(Здѣсь разомъ восемь папиросъ
Я обращаю въ пепелъ,
Какъ пьяница, который сутки не пилъ).
«Должна-ль душа робѣя ждать бѣду?
(Иду,
Качаясь, какъ отъ вѣтра, на ходу)
«Иль противъ бѣдствій всѣхъ вооружиться?
(Здѣсь долженъ я на кресло опуститься)
«Такъ,—умереть, уснуть и прахомъ стать,
«Страданья не испытывая дважды...»
(Здѣсь громко начинаю я—икать
Отъ винной жажды).

Репертуаровъ.

Какой талантъ! Какая сила!
Нѣтъ, величайшій вы актеръ.

Кто-то.

Ужь вамъ не страшенъ съ этихъ поръ
Свистокъ коварнаго зоила.

Суфлеркинъ *(въ экстазѣ).*

Скажу еще двѣ-три строки: *(декламируетъ)*
«Не истаскались башмаки,
(Въ грудь кулаками бью седѣ я)
«Въ которыхъ ты, какъ Ніобея,
«Въ слезахъ за гробомъ мужа шла...
(Бросаю вазу со стола
И хохочу хрипя и кисло)
«О, небо! даже звѣрь безъ смысла
«Былъ больше бъ горемъ пораженъ,—
«А ты, презрѣнная, изъ жонъ,
«Ты—крокодила дочь, гіена...
«Любуйся же на свой позоръ...»
(Здѣсь опьянѣвъ ужъ совершенно,
Гамлетъ пасть долженъ на коверъ).

Каламбурцевъ.

Такимъ талантливымъ паденьемъ
Нельзя піесы уронить.

Репертуаровъ.

Внимали вамъ мы съ восхищеньемъ.

Суфлеркинъ *(вздыхая).*

А всежь начнутъ меня бранить!..

Каламбурцевъ.

Пусть!.. Повредитъ ли скаламъ буря?..
Могу сказать, не каламбуря,

Что за игру подобныхъ сценъ
Никто не сдѣлаетъ вамъ сцены.

Репертуаровъ.

Въ театрѣ мы повысимъ цѣны,
Когда пойдетъ у насъ Гамлетъ.

Панталоновъ.

Хотя таланта въ васъ—излишекъ,
Но все жъ могу вамъ дать совѣтъ
На счетъ рукавчиковъ, манишекъ
И новой выкройки жилетъ
Я вамъ дарю...

Суфлеркинъ.

Благодарю!..
Друзья! Когда съ вѣнкомъ побѣды
Я выйду въ общей кутерьмѣ,
То роль Перуна для «Рогнѣды»
Я пригоуввлю къ той зимѣ:

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ОСЕННЕЕ ПЕТЕРБУРГСКОЕ УТРО

ВЪ VI ПѢСНЯХЪ НА ОДНУ ТЕМУ.

1.

(ПО НЕКРАСОВУ).

Ночь зловѣщую, гнойную, сѣрую
Гонитъ утро... За дѣло пора...
День поплелся обычною мѣрою,
Дышетъ язвой сибирской, холерою
Воздухъ города... Злость и хандра!..
Лишь едва человѣкъ просыпается
И глаза раскрывая глядитъ,
Ужь въ груди его желчь разливается
И безсильная злоба кипитъ.
Слышны въ вѣтрѣ глухія рыданія
И тягучій, пронзительный свистъ;
Надъ трубою огромнаго зданія,
Точно дьяволъ, торчитъ трубочистъ.
На дворѣ съ кѣмъ-то дворникъ ругается
И метлой вычищаетъ крыльцо.

*

Вонъ напротивъ окно отворяется,
Молодое мелькнуло лицо,
Бѣлый чепчикъ и кофта узорная...
Послѣ сна дышетъ грудь горячо...
И коса удивительно черная
Опустилась змѣей на плечо.
А на улицѣ жизнь начинается,
Будни шумнаго, тусклаго дня.
Вонъ съ конвоемъ чуть-чуть подвигается
Дюжій парень, цѣпями звеня;
Вонъ модистка промчалась съ картонкою,
Вонъ въ кварталъ забулдыгу ведутъ
На веревкѣ съ какой-то бабенкою;
Вонъ извощикъ надъ потной кляченкою
Обновляетъ вновь купленный кнутъ.
Завернувшись угрюмо шинелями,
По панелямъ, гдѣ лужи стоятъ,
Торопливо съ своими портфелями
Тамъ плетутся служаки въ Сенатъ;
Вонъ мальчишка со спичками шведскими,
Съ цѣлой кипой газетъ почтальонъ,
Вонъ подъ мышкою съ книжками дѣтскими
Два ребенка бѣгутъ въ пансіонъ.
Вонъ лакей у воротъ съ комплементами
Передъ толстой служанкой стоитъ,
Съ редикюлемъ большимъ, съ инструментами

Повивальная бабка бѣжитъ.
Въ этомъ городѣ смерти, калѣчества,
Гдѣ недуги и бѣдности сильны,
Чтобъ плодилося вновь человѣчество,
Повивальныя бабки нужны.

II.

(ПО ПЛЕЩЕЕВУ).

Ахъ, отдерни занавѣску,—
Мнѣ не сносна эта тѣнь,—
Ужь врывается въ окошко
День веселый, ясный день.
Ахъ, отдерни занавѣску,
Темный ставень отвори,—
Ужь игла Адмиралтейства
Вся горитъ въ лучахъ зари.
Утро ясно—въ сердцѣ праздникъ,
Тянетъ въ городъ улицъ шумъ...
Отчегожъ мнѣ нѣтъ покою
Отъ моихъ упорныхъ думъ?
Оттого, что въ это утро
Гдѣ нибудь— а гдѣ ихъ нѣтъ?—
Много бѣдныхъ и голодныхъ
Проклинаютъ черствый свѣтъ;
Оттого, что въ это утро
Тянутъ жизнь средъ чердаковъ

Столько сирыхъ и бездомныхъ,
Столько горькихъ бѣдняковъ.

III.

(ПО ФЕТУ).

1.

Мы сидѣли на балконѣ,
Утро къ намъ несетъ любовь,
До ланитъ взбѣгаетъ кровь
И рука горитъ въ ладони.
Вспыхнулъ заревомъ востокъ,
Яркимъ свѣтомъ городъ залитъ
И лучами солнце жалитъ
Кожу нѣжныхъ, дѣтскихъ щекъ.
Другъ мой, страсть намъ вновь знакома,
Въ насъ любви проснулась блажь...
Шепчешь ты: пойдемъ въ пассажъ,
Я жъ шепчу: останься дома....

2.

Посмотри кругомъ, малютка.
Пышный городъ всталъ отъ сна,
Таетъ въ утреннемъ туманѣ
Блѣднолицая луна;
Посмотри — при свѣтѣ солнца
Все сіяетъ и блеститъ:
Эти улицы и зданья,

Мостовая и гранитъ.
Въ магазинахъ брилліанты,
Брилліанты въ брошкахъ дамъ,
Въ брилліантахъ старцы, франты,
Брилліанты здѣсь и тамъ.
И теперь, о другъ мой милый,
Не доволенъ я судьбой
Оттого, что брилліанты....
Заложили мы съ тобой

IV.

(ПО ПОЛОНСКОМУ).

Я хандры не могу превозмочь,
Если финская, бѣлая ночь
Надъ столицею невской проносится.
Ночи блѣдный и дѣвственный ликъ!
Я къ нему, какъ къ страданью, привыкъ:
Ночью легче тоска переносится,
Но чужда и дика для меня
Ты, красавица невскаго дня...
Не люблю твою пѣсню унылую
И напѣвы зловѣщіе тѣ
О нуждѣ, о мірской нищетѣ,
О слезахъ надъ убогой могилою.
Для чего на меня ты глядишь
И страданье мое бередишь?

Пусть вокругъ погибаетъ вселенная,
Пусть нужда развращаетъ людей, —
Я поэтъ — не изъ сонма судей,
Для небесъ моя пѣснь вдохновенная,
О красавица дня! поспѣши
Потеряться въ полночной тиши,
Выплывай же ты, ночь ароматная,
И мой духъ воспаритъ въ облака
И пройдетъ роковая тоска,
По ночамъ для меня непонятная...

V.

(ПО ТЮТЧЕВУ).

Надъ Невою посребренной
День сіяющій встаетъ,
Солнце-стражъ земли безсонный
Надъ планетою влюбленной
Совершаетъ свой обходъ.
Небеса поютъ и таютъ,
Слышенъ гулъ издалека,
Птицы весело порхаютъ,
Грезы міра улетаютъ
Вмѣстѣ съ ночью въ облака.
Постоянно дни смѣняютъ
Ночи трепетную тѣнь,
Имъ и люди подражаютъ:

Ежедневно умираютъ
И родятся каждый день.

VI.

(ПО МАЙКОВУ).

Да, ты хорошъ, великій Римъ...
Твои священные останки
Я посѣщалъ, какъ пилигримъ:
Тамъ сладострастныя вакханки
Нерѣдко мой смущали сонъ;
Тамъ передъ образомъ мадоннъ,
Съ благоговѣньемъ капуцина
Я былъ въ молитву погруженъ.
Твой колизей съ семьей аркадъ,
И остовъ арки тріумфальной
Я видѣлъ, трепетомъ объятъ...
Мнѣ пѣлъ фонтанъ струей печальной
Напѣвы грустные наядъ.
А Лара милая!... О, Боже!
Могу-ль забыть великій Римъ?..
Но я на родинѣ... и что же?
Мнѣ этотъ тусклый день дороже
Съ осеннимъ холодомъ своимъ.
Онъ дорогъ мнѣ подъ сѣнью мрака
Безъ итальянской синевы,
Мнѣ дорогъ плескъ родной Невы

И яркій куполъ Исаака...
Бродя по Риму въ поздній часъ,
Меня манила та картина,
И на отчизну каждый разъ
Просилось сердце славянина.

VII.

(ПО БЕНЕДИКТОВУ).

День осенній надъ столицей....
Солнце въ тучи прорвалось
И глядитъ, какъ предъ денницей
Вспрянулъ сѣверный колоссъ,
Розодвинулъ быстро пологъ
И орломъ глядитъ кругомъ:
Сонъ его всегда не дологъ,
Долгій отдыхъ незнакомъ.
Просыпается Петрополь
И бѣжитъ туда — сюда.
Что же это? не Европа-ль
Передъ нами, господа?
Дождь иль грязь ему нѣтъ дѣла;
Шумъ, ѣзда и здѣсь и тутъ,
Мостовая загудѣла
И летитъ подъ громомъ смѣло
Петербурга бодрый людъ.
И толкутся люди эти,

Точно лѣтніе шмели,
То въ коляскѣ, то въ каретѣ,
Въ щегольскомъ кабріолетѣ
На извощикѣ въ пыли;
Ихъ преслѣдуютъ горячки,
Имъ дантисты зубы рвутъ,
А они — и не мигнутъ,
Имъ не дѣлаютъ потачки,
И хоть станутъ на карачки,
А дневной окончатъ трудъ.
Поговорка есть у янки:
«Время — деньги» свищетъ онъ,
Здѣсь твердятъ со всѣхъ сторонъ
Горожане, горожанки:
«Часъ одинъ — есть милліонъ».
Мы въ расходахъ знаемъ — минусъ,
Въ барышахъ повсюду — плюсъ,
И съ дешовкою «на выносъ»
Легокъ нашъ гражданства грузъ.
Слышенъ грохотъ барабана
Визгъ шарманки, гулъ колесъ;
Здѣсь оглоблю шарабана
Бѣдняку вкусить пришлось,
Тамъ — онъ стонетъ подъ копытомъ
Городскаго рысака.
Но до битаго небитымъ

(Вѣдь бѣда не велика)
Дѣла нѣтъ. Въ лучахъ Авроры
Ожилъ городъ. Блещутъ шпоры,
Взоры, дамскіе уборы,
Каски, канты, козырки,
На панеляхъ — полотеры,
Букинисты, куаферы,
Дѣти, дамы, старики.
Въ бѣготнѣ, въ всеобщей скачкѣ
Мчится людъ во всѣ концы —
Почтальоны, денди, прачки,
Омнибусы, дрожки, тачки
И курьеры и купцы.
Все кружится, все пускаетъ
Въ дѣло силу и талантъ,
Пишетъ, судитъ, распекаетъ,
И работу начинаетъ
Грозный сѣверный гагантъ.

ПЛАЧЪ РУССКАГО ПОДПИСЧИКА.

Я таковъ: лишь новый органъ
Вышелъ въ свѣтъ —
Ужъ привелъ меня въ восторгъ онъ,
И, чуть свѣтъ,
Я пишу въ журналъ посланье
Съ парой словъ:
Высылайте — молъ, изданье
Мнѣ въ Орловъ.

О судьба, мрачна, какъ ночь ты!
Ждалъ я, ждалъ
Но журналы рѣдко съ почты
Получалъ.
«Свѣточь» вышелъ—подписался...
Какъ прогрессъ,
На Руси онъ показался
И... изчезъ.

Что жъ! не всѣ живутъ, балуя,
И тогда

Сталъ выписывать «Пчелу» я,
Господа.
Я газету долго славилъ
Межъ повѣсъ.
Но съ «Пчелою» Усовъ Павелъ
Вдругъ изчезъ.

Чтожъ! Насъ всѣхъ Сатурнъ косою
Коситъ... вотъ
Жду я «Якоря» съ «Осою»
Круглый годъ.
Я не вѣрилъ разнымъ баснямъ,—
Злобенъ бѣсъ! —
Но и «Якорь» (и «Оса» съ нимъ)
Вдругъ изчезъ.

Бросилъ даже съ горяча я
Въ уголъ стулъ,
Но «Занозу» получая,
Отдохнулъ.
На столѣ журналъ забавный
Клалъ подъ прессъ,
Но и органъ этотъ славный
Вдругъ изчезъ.

Тутъ, предчувствіемъ взволнованъ,
Долго ждалъ

Я «Эпохи»: мнѣ былъ новъ онъ,
Сей журналъ.
Что жъ! Приславъ, (кому въ томъ чтеньи
Интересъ?)
«Библіотеку для чтенья»
Самъ изчезъ!

Но и эта не горюя
Шлетъ намъ вѣсть:
«Дескать выдамъ къ сентябрю я
Книжекъ шесть,
А пока»... и съ этой пѣсней
Скрылся съ глазъ..
Ну, поди судись въ толпѣ съ ней
Каждый разъ!..

«День» одинъ лишь не затмился —
Былъ я радъ, —
Да и тотъ вдругъ отпросился
На вакатъ,
Да и тотъ потухъ на время...
Гдѣ взять силъ?
Чуть меня кондрашка въ темя
Не хватилъ.

Я потратилъ столько денегъ!
Злобный духъ:

«Будь умненекъ, будь умненекъ»!..
Шепчетъ вслухъ.
«Подпишись еще, попробуй,
Чтобъ опять
Прессу русскую со злобой
Проклинать...»

ИГРЫ.

Давно сказалъ одинъ мудрецъ,
 Что люди — тѣ же дѣти,
И юный отрокъ и отецъ
 Игрушекъ ищутъ въ свѣтѣ.
За дѣломъ хмурится старикъ
 И заняты старушки,
Но для того, кто жизнь постигъ —
 У всѣхъ въ умѣ игрушки.

Играютъ въ куклы по баламъ,
 Гдѣ, къ бальнымъ танцамъ жадны,
Сидятъ невѣсты по угламъ,
 Какъ куколки, нарядны.
Воспѣлъ пѣвецъ «сердецъ ихъ бой»;
 Но, право, не слыхать ихъ...
Играютъ въ куклы межъ собой
 Манкены въ женскихъ платьяхъ.

Лошадки—дѣтская игра,
 Но къ ней и старцы падки:

На скачкахъ—есть у насъ пора, —
Играютъ всѣ *въ лошадки.*
Былъ не одинъ такой примѣръ
Людей стяжавшихъ славу:
Они скакали чрезъ барьеръ
И — падали въ канаву.

Иной издатель радъ созвать
Толпу на посидѣлки,
И вдругъ захочетъ съ ней играть
Въ журнальныя *горѣлки.*
Сберетъ подписку къ январю
Но самъ, несклонный къ риску,
Бѣжитъ, воскликнувъ: «я горю!»
И—увезетъ подписку.

Пѣвцы, покрывши Геликонъ,
Играли прежде въ *жмурки,*
Но музы нынѣшнихъ временъ
Не такъ ужь стали юрки.
Онѣ забыли свой азартъ
И въ паѳосѣ пріятномъ
Играютъ въ *дурачки* въ пять картъ
Съ швейцаромъ въ домѣ знатномъ.

Супруги,—жребій ихъ жестокъ,—
Играютъ часто въ *прятки*

А такъ какъ бѣлый свѣтъ широкъ
И узы имъ не сладки,
То эта самая игра
Разводитъ ихъ и — баста! —
И мужъ до смертнаго одра
Жены не сыщетъ часто.

Я къ этимъ играмъ не привыкъ
И — люди — между вами,
Люблю одну я, какъ старикъ,
Игру *играть словами*. —
Она, положимъ, не хитра,
Но не безстыдна въ свѣтѣ.
И за тебя, моя игра,
Не покраснѣютъ дѣти.

НЕСЧАСТІЕ ОГРОМНАГО РАЗМѢРА.

(НЕВСКАЯ ТРАГЕДІЯ).

Поль Ивановъ, левъ салонный,
Былъ всѣхъ франтовъ идеалъ
И красавицъ полкъ влюбленный,
Поля взорами сжигалъ.
Словно стволъ ружейный строенъ,
Поражалъ всѣхъ женщинъ онъ:
И безстрашенъ, словно воинъ,
И хорошъ, какъ Аполлонъ.
Но красавицы напрасно
Въ сѣть поймать старались льва,
Поль давно влюбленъ былъ страстно,
Какъ повѣдала молва:
Мери сѣренькіе глазки
Побѣдили наконецъ.
И, какъ слышно, послѣ пасхи
Поведутъ ихъ подъ вѣнецъ.
Толки, сплетни у сосѣдей

Дома — множество заботъ
Но увы! иныхъ трагедій
Угадать нельзя впередъ.

2.

Утро. Въ тучахъ золотистыхъ
Разгорается востокъ;
На Невѣ межъ елокъ мшистыхъ,
Какъ паркетъ, блеститъ катокъ.
На каткѣ томъ въ день морозный
Много франтовъ, львицъ, купчихъ,
И съ невѣстой граціозной
Тамъ катается женихъ.
Ножки стройныя, ботфорты
Мчатся молніей по льду...
Поль! напрасно разговоръ ты
Съ ней заводишь на ходу!
Чтобъ несчастья впереди намъ
Не дождаться... бѣсъ хитеръ!...
Но женихъ скользитъ по льдинамъ
И болтаетъ разный вздоръ —
О Венявскаго концертѣ,
О «Рогнѣдѣ», какъ знатокъ...
Вдругъ,—мнѣ вѣрьте иль не вѣрьте, —
Крикнулъ разомъ весь катокъ:
Вдругъ, не сдѣлавъ даже жеста,

Не успѣвъ раскрыть свой ротъ
И женихъ и съ нимъ невѣста
Разомъ треснулись объ ледъ.
Такъ они, болтая пылко,
Доболтались до добра:
Франтъ остался безъ затылка,
А невѣста безъ ребра.
Можно многое сказать-бы
Мнѣ о нихъ, но лишній трудъ...
Впрочемъ, можетъ быть до свадьбы
Раны ихъ и заживутъ.

ВЕСЕННІЕ ОТГОЛОСКИ.

Весеннихъ пѣсенъ нѣтъ какъ нѣтъ,
    Молчитъ поэтъ.
А между тѣмъ весенній свѣтъ,
Весенній воздухъ рве́тся въ стекла
И рама зимня намокла.

И муза, радуя́сь веснѣ,
    Пришла ко мнѣ:
«Пѣвецъ! въ родимой сторонѣ
«Хоть ты пропой намъ, какъ въ апрѣлѣ
«Въ квартирахъ окна всѣ напрѣли,

«Какъ на Невѣ взломало ледъ
    «И что Доротъ
«На тройкахъ публики не ждетъ
«Что на Украйнѣ кукуруза...»
Но тутъ... тутъ кашлять стала муза.

Она, какъ я, схватила гриппъ;
Я самъ охрипъ
И почернѣлъ, какъ старый грибъ;
И поклялись мы съ нею оба
Не воспѣвать весны до гроба.

Странный, непонятный сонъ я увидалъ:
Будто на кладбище ночью я попалъ;
Кисло полный мѣсяцъ въ міръ глядѣлся съ неба
Словно бѣдный нищій, ждавшій корки хлѣба.
Вкругъ меня глядѣли ветхіе кресты,
Насыпи, рѣшотки, мшистыя плиты, —
Все кругомъ пустынно, мертвенно и глухо.
Вдругъ не ясный шорохъ долетѣлъ до слуха:
Въ очеркахъ неясныхъ потускнѣвшихъ лицъ
Предо мной вставали тѣни изъ гробницъ
И скользили мимо эти привидѣнья...
Чтобъ въ себѣ осилить трусости движенье
— «Кто идетъ»? я крикнулъ мертвецамъ въ упоръ.
Кто вы? — Я Бурбоновъ отставной маіоръ.
Призраки стѣснились вкругъ меня гурьбою
И ужъ съ ними былъ я приготовленъ къ бою,
Обнаживъ на приступъ свой походный мечъ,
Какъ услышалъ возлѣ жалобную рѣчь:
«Господинъ Бурбоновъ, мечъ вложи въ ножны ты:

Мы и безъ того ужъ горестью убиты
Всѣ мы получали нѣкогда журналъ,
Намъ его Краевскій къ сроку высылалъ.
То изданье бравши очень часто въ руки,
Мы, его читая, умерли отъ скуки.
Ни одинъ читатель больше жить не могъ
И, убитъ изданьемъ, подъ плитою легъ,
Ни одинъ читатель не остался въ мірѣ...
Для кого жъ, — скажи намъ — въ Сѣверной
Пальмирѣ
Издается нынче въ годъ двѣнадцать книгъ?
Мертвыхъ не разбудитъ мертвый ихъ языкъ.
Дай отвѣтъ на это». Но въ большомъ испугѣ
Тутъ я пробудился отъ толчка супруги
И, припомнивъ послѣ этотъ страшный сонъ,
Объяснить не могъ я, что вѣщуетъ онъ?

Я, обожая панну Лизу,
Межъ двугъ огней попалъ какъ въ адъ:
Любовь — влечетъ меня на мызу,
Долгъ службы — тянетъ на парадъ.

О, панна! вы меня зовете,
Я—подлетѣлъ бы къ вамъ къ крыльцу,
Но—служба ждетъ... (фельдфебель, ротѣ
Вели сбираться на плацу).

Любовью вся душа объята,
Въ груди, какъ въ банѣ, горячо.
(Команды слушайся, ребята!
Равняйся! Смирно! на пле-чо!)

Дождусь-ли съ панной встрѣчи новой!
Какъ сабля, блещетъ панны взглядъ!..
(Штыкъ на себя, эй, ты, фланговый!
Зарубкинъ! подтяни прикладъ!)

Она теперь навѣрно дома
И приготовила мнѣ грогъ...

(Учебнымъ шагомъ въ три пріема!
Носокъ вытягивать, носокъ!)

Отъ нѣжныхъ ласкъ ея тупѣю,
Готовъ ягненкомъ кроткимъ лечь!...
(Пучковъ! Не чистилъ портупею!
За это буду больно сѣчь!)

Любовь и—подчиненье старшимъ!...
Нѣтъ, долгъ служебный верхъ беретъ!
(Равняйся! смирно! скорымъ маршемъ!
Глаза на право! грудь впередъ!)

Довольно! Вижу я въ окошкѣ
Платкомъ мнѣ панна машетъ тамъ!
(Ребята, вольно! ружья въ сошки
И расходитесь по домамъ).

Когда въ любви однажды Полька
Клялася мнѣ,
Я эту ночь лишь вспомню только —
Вся кровь въ огнѣ.
Команды нѣжной чую звуки...
Глаза горятъ...
Мои опущенныя руки
По швамъ лежатъ.
Я помню садъ и вечеръ лѣта
Далекихъ мѣстъ,
Гдѣ посадила сердце это
Ты подъ арестъ.
— «О, я любви твоей достоинъ»,
Я дѣвѣ рекъ,
И сдѣлалъ ей, какъ честный воинъ,
Подъ козырекъ.
Когда жъ коснулся къ губкамъ алымъ—
Какой афронтъ! —
Какъ предъ бригаднымъ генераломъ
Я сталъ во фронтъ.

— «Я хороша?» ты мнѣ шептала
«Я не стара»,
И небо самое кричало
Тебѣ: ура!

СОВѢТЪ

Бойся его, моя милая!
Носитъ онъ *платье гражданское*,
Не отличитъ, въ томъ ручаюсь я,
Онъ отъ донскаго шампанское.

Утромъ съ своими бумагами
Ходитъ въ *палату гражданскую*.
Вечеромъ ходитъ къ кухмистеру
Онъ на Большую Мѣщанскую.

Любитъ *гражданскія слезы* онъ
И среди общества дамскаго
Съ толку сбиваетъ всѣхъ барышенъ
Спичемъ въ честь *брака гражданскаго*.

Бойся его, моя милая,
Какъ наважденья чертовскаго,
Или «*Мотива гражданскаго*»,
Взятаго въ книжкѣ Пятковскаго.

ВИЛЬЯМУ ШЕКСПИРУ

ОТЪ МИХАИЛА БУРБОНОВА.

Любезный другъ Шекспиръ, талантливъ ты, —
не споримъ,
Тебѣ соперниковъ не часто я встрѣчалъ,
Но все же, признаюсь, съ большимъ смотрю я
горемъ,
Какую ложную дорогу ты избралъ.

Ты слишкомъ гордъ, Шекспиръ, друзей забылъ
совѣты:
Тебѣ бъ все древній міръ, старинныхъ хроникъ
тьма,
Гдѣ лишь какіе-то Отелло да Макбеты,
Иль датскій принцъ, спрыгнувшій вдругъ съ
ума.

Дай лучше драму намъ, безъ всякихъ дальнихъ
споровъ,
Военный бытъ рисуй, жизнь лагеря раскрой,

Гдѣ бъ на конѣ скакалъ великій нашъ Суворовъ
И маніемъ руки за строемъ двигалъ строй.

Ты вмѣсто Дездемонъ, Корделій и Офелій,
Безъ деклараторскихъ ходулей и прикрасъ,
На сцену выведи Ефремовскихъ камелій —
Тогда, тогда, Шекспиръ, почтутъ тебя у насъ.

ДУЭТЪ.

МИХАИЛЪ РОЗЕНГЕЙМЪ.

Если дуренъ народъ; если падаетъ край,
Зло проникло въ него глубоко,
Легкомысленно въ томъ не тотчасъ обвиняй
Учрежденья, законы его.
Осторожно вглядись, обсуди и тогда
Къ убѣжденью, быть можетъ, придешь,
Что въ народѣ самомъ затаилась бѣда,
Что законъ самъ собою хорошъ (*).

МИХАИЛЪ БУРБОНОВЪ.

Если выйдетъ мужикъ изъ дверей кабака
И его разшатаетъ травникъ,
Ты скажи, указавъ на него, мужика:
— «Утопаетъ въ развратѣ мужикъ».
И тогда откупамъ сладко гимны запой:
«Журналистика наша слѣпа:

(*) Стих. М. Розенгейма. 1858 г. Спб.

«Вѣдь въ народѣ самомъ затаился запой,
«Не виновны ни въ чемъ откупа».

МИХАИЛЪ РОЗЕНГЕЙМЪ.

Если золъ ты на свѣтъ, точно правду любя,
То не тронь въ немъ порядка вещей,
Но исправь-ка сперва, мой почтенный, себя,
Отучи отъ неправды людей (*).

МИХАИЛЪ БУРБОНОВЪ.

Если ты по призванью совсѣмъ не поэтъ,
Но его только носишь ты санъ,
Не сердись на людей, что твой каждый куплетъ
Имъ ужаснѣй, чѣмъ самъ кукельванъ.

МИХАИЛЪ РОЗЕНГЕЙМЪ.

Если жидкость дурна, если скислось вино,
То куда ты его ни налей,
Только каждый сосудъ замараетъ оно,
Но не будетъ, не станетъ свѣтлѣй (**).

МИХАИЛЪ БУРБОНОВЪ.

Если ты благороденъ, какъ истинный Россъ —
Полицейскихъ ни въ чемъ не кори,
Но по улицамъ невскимъ не жги папиросъ
И сигаръ никогда не кури.

(*) (**) Стих. М. Розенгейма. 1858 г. Спб.

МИХАИЛЪ РОЗЕНГЕЙМЪ.

Если сплавъ не хорошъ, если дуренъ металлъ,
То какой ни придай ему видъ,
Въ каждой формѣ, куда бъ отливать ты ни сталъ,
Онъ пороки свои сохранитъ (*).

МИХАИЛЪ БУРБОНОВЪ.

Если будешь журналъ издавать на Руси,
Хоть у насъ ихъ порядочный рой, —
По кварталамъ билеты вездѣ разноси
И при будкахъ подписку открой.

МИХАИЛЪ РОЗЕНГЕЙМЪ.

Вѣдь не случай одинъ правитъ міромъ, о нѣтъ!
И застою не можетъ въ немъ быть,
И духъ вѣка подастъ въ свое время совѣтъ,
Какъ и что въ немъ должно измѣнить (**).

МИХАИЛЪ БУРБОНОВЪ.

Если въ жизни застой обличитель найдетъ,
Ты на мѣстѣ минуты не стой,
Но пройдися по комнатѣ взадъ и впередъ
И спроси его: гдѣ же застой?

(*) Стих. М. Розенгейма. 1858 г. Спб. (**) тамъ же.

МЕЧТА СТИХОТВОРЦА.

Шла сосѣдка купаться съ сестренкой;
А и той ужъ семнадцатый годъ-
Забѣжалъ я на рѣчку сторонкой,
Да въ кусты и забрался впередъ.

М. Розенгеймъ.

Много есть наслажденій, но въ мірѣ одно
Мнѣ одно наслажденіе въ мірѣ дано.
Что мнѣ ласки любви и роскошный буфетъ,
Что цвѣты, надъ которыми плакался Фетъ,
Что въ лунѣ безъ шандоровскихъ яркихъ лучей,
Что мнѣ нектаръ любви, если нѣтъ калачей!
Не таковъ мой славянскій могучій закалъ,
Не таковъ сочной музы моей идеалъ.
Я не стану болтать съ милліонами звѣздъ,
Хоть бы тѣмъ занялся весь Парнасскій уѣздъ,
Я на полѣ не буду стоять, какъ дервишъ,
А на рѣчку пойду и раздвину камышъ,
И прилегши въ траву, я начну свой дозоръ,
Чтобъ дождаться прихода двухъ юныхъ сестеръ
Хоть бы мнѣ привелось пролежать два часа. …
Вотъ пришли, распустили свои волоса,

Вотъ одежды упали и въ волны рѣки
Сестры бросились разомъ, какъ серны легки;
И цѣлуетъ ихъ солнце, и волны къ нимъ льнутъ,
И по косамъ, какъ жемчугъ, спадая бѣгутъ...
Въ камышахъ я лежу, красный, словно морковь,
Въ юныхъ жилахъ горитъ, разгорается кровь,
И смотря безъ движенья на юныхъ сестеръ,
Я пылаю, какъ въ рощѣ забытый костеръ.

КЛУБНЫЕ МОТИВЫ.

I.

Зерна благаго посѣва
Дали плоды намъ кругомъ:
Клубы—направо, налѣво,
Клубы—куда ни шагнемъ.
Свѣтится зданье огнями, —
Рядомъ съ нимъ нѣсколько группъ
Ванекъ полночныхъ съ санями...
Это навѣрно ужъ клубъ.

Вечеръ—и городъ весь скачетъ,
Въ клубахъ онъ дышетъ вольнѣй...
Тяжко вздыхаетъ и плачетъ
Въ траурѣ богъ Гименей.
Лукъ свой и стрѣлы съ колчаномъ
Бросилъ Амуръ за Неву
И не поетъ съ горяча намъ
И не зоветъ къ rendez-vous.

Къ дѣлу, исполненъ заботы,
Сѣлъ канцелярскій паукъ,
Нѣтъ только къ дѣлу охоты,
Валятся перья изъ рукъ.
Шепчетъ онъ странныя рѣчи,
Взглядъ его сдѣлался тупъ,—
Шубу онъ вскинулъ на плечи
И — отправляется въ клубъ.

Въ свѣтлой, веселой гостиной
Мужъ смотритъ въ очи жены, —
Общей семейной картиной
Оба они плѣнены.
Вдругъ ихъ тоска обуяла,
Ласка не рвется съ ихъ губъ,
Пара счастливая встала
И — отправляется въ клубъ.

Съ барышней нервныя боли,
Барышня ванну брала. —
Барышня, — ей до того ли?—
Платье надѣть не могла.
Вдругъ поднялась, какъ шальная,
Дѣва блѣдна, словно трупъ:
—«Право, теперь не больна я...»
И — отправляется въ клубъ.

Утромъ жену на погостѣ
Бѣдный супругъ схоронилъ,
Хмуръ отъ страданья и злости
Изъ угла въ уголъ ходилъ:
—«Годъ весь не выйду съ порога,
Свѣтъ мнѣ противенъ и глупъ...»
Но, пораздумавъ немного,
Онъ отправляется въ клубъ.

Лирикъ настроенъ умильно,
Мѣсяцъ глядится въ окно,
Въ черепъ же лѣзутъ насильно
Рифмы къ «лото-домино».
Стихъ мадригальный не гнется,
Какъ неподатливый дубъ, —
Лирикъ за шляпу берется
И — отправляется въ клубъ.

Медикъ съ гаванской сигарой
Въ тепломъ халатѣ сидитъ:
—«Нужно чиновницѣ старой
Сдѣлать мнѣ нынче визитъ...»
Ѣдетъ и мыслитъ дорогой:
—«Вырву и завтра я зубъ
У старушонки убогой...»
И — отправляется въ клубъ.

Милы намъ клубныя путы,—
Даже побьюсь о закладъ,
Въ самыя эти минуты
Клубы народомъ кишатъ.
Вѣрно, намъ данъ въ наказанье
Этотъ общественный струпъ...
Но, господа, до свиданья —
Самъ отправляюсь я—въ клубъ.

II.

Они любили другъ друга и долго и пылко,
Казалось, любовью дрожала въ нихъ каждая жилка;

Конца ихъ блаженству и счастію не было видно,
Пока не смутила ихъ клубная фея—ехидна.

Однажды, — объ этомъ, рыдая, узналъ я, о други!—
Поѣхали вечеромъ въ клубъ молодые супруги.

Чета молодая дорогою все обнималась;
Но въ клубѣ супруга до нитки совсѣмъ проигралась.

И гостю отвѣтила съ видомъ она величавымъ:
«Спросите у мужа, — онъ деньги заплатитъ сполна вамъ...»

Когда же къ супругу тотъ гость обратился за долгомъ,
Мужъ выслушалъ просьбу такую въ молчаніи долгомъ

И такъ вдругъ отвѣтилъ, давъ пищу толпѣ для содома:
—«Она не жена мнѣ, она мнѣ совсѣмъ незнакома».

Такъ прожили долго они безъ тоски, безъ печали,
Но въ клубѣ явившись, другъ друга они не узнали.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ РОМАНСЪ.

У окошка дремлетъ дѣва
Въ жаждѣ брачнаго вѣнца,
И грызетъ въ припадкѣ гнѣва
Два зеленыхъ огурца.
Вечеръ; въ нишѣ темныхъ оконъ
Воздухъ майскій вѣетъ сномъ;
Ива свой зеленый локонъ
Распустила подъ окномъ.
Вотъ въ сѣдой пыли мелькая,
Отъ больныхъ проѣхалъ врачь...
«Боже мой! тоска какая!
Развлеченья нѣтъ — хоть плачь!»
Соловей запѣлъ надъ кущей...
Въ небѣ плаваетъ луна...
И пошла на сонъ грядущій
Дѣва кушать каплуна.

НАШЕМУ АСМОДЕЮ.

Всегда твердя въ толпѣ старухъ
О кротости сердецъ,
Ты самъ къ добру бываешь глухъ...
Имѣть такой строптивый духъ —
Не хорошо, отецъ!...

Громя пороки разныхъ сферъ,
Будь скроменъ, какъ телецъ,
Бѣги, какъ демоновъ, гетеръ...
Вѣдь подавать дурной примѣръ —
Не хорошо, отецъ!...

Насъ отучая отъ грѣховъ,
Лурлей ты пѣлъ, мудрецъ,
И написалъ, — вотъ ты каковъ! —
Рядъ эротическихъ стиховъ —
Не хорошо, отецъ!...

Ты о самомъ себѣ радѣй,
    Поддѣльный сбрось вѣнецъ
Покайся, старый Асмодей...
Повѣрь: обманывать людей —
    Не хорошо, отецъ!...

„Человѣкъ болтаетъ и—позвольте употребить тривіальное выраженіе—забалтывается.“

Е. Туръ.

Передъ дѣвой благородной
Пылкій юноша стоитъ,
Но отъ скромности природной
Лишь губами шевелитъ.

Онъ на дѣву взгляды мечетъ
И, вздохнувъ разъ двадцать пять:
—«Я влюбленъ въ васъ»—онъ лепечетъ—
«Съ позволенія сказать».

Прислонившись къ спинкѣ стула,
Стихнулъ юноша опять;
Дѣва съ нѣжностью взглянула...
Съ позволенія сказать.

Наконецъ, стыда не зная
Дѣва стала отвѣчать:
—«Въ васъ вѣдь тоже влюблена я...
Съ позволенія сказать».

Дѣвѣ юноша влюбленный
Началъ душу раскрывать
И—вступилъ съ ней въ бракъ законный...
Съ позволенія сказать.

Ахъ увижуль край родимый.
Все ахъ, все я бросилъ въ ней,
Въ милой родинѣ моей.
Миніатъ.

Часовой на часахъ.
Снѣгъ лежитъ на усахъ
И пою я въ слезахъ:
Ахъ!
Онъ отъ вѣтра оглохъ,
Плащь изорванъ и плохъ...
Испускаю я вздохъ—
Охъ!
Въ окнахъ свѣтъ ужъ потухъ
Гдѣ-то крикнулъ пѣтухъ.
Холодъ... Молвилъ я вслухъ:
Ухъ!!
Раздается «сл-у-ша-а-а-й»
Я тянулъ дома чай
И сказалъ невзначай:
Ай!..

НЕВСКІЕ СОНЕТЫ.

Суровый Дантъ не презиралъ Сонета.
Пушкинъ.

— Куда вы? «Въ клубъ», чуть шепчетъ мнѣ старушка.
— Куда вы? «Въ клубъ!» старикъ кряхтитъ въ отвѣтъ.
— Куда вы? «Въ клубъ!» хохочетъ мнѣ вертушка.
Въ клубъ молодежь бѣжитъ за ней во слѣдъ.

Несется въ клубъ послѣдняя полушка
Плоды трудовъ, усилій многихъ лѣтъ.
Идетъ въ закладъ серебрянная кружка
И дорогой наслѣдственный браслетъ.

У насъ у всѣхъ болѣзнь одна и таже:
Сидѣть всю ночь не разжимая губъ,
Забывъ дѣла, семью въ шестомъ этажѣ

И за лото нашъ взглядъ безцвѣтно тупъ.
Играютъ всѣ. Отправлюсь я куда же?
Ну чтожъ, и я играть отправлюсь въ клубъ...

II.

Чего хочу? Пусть нѣжная судьба
Дастъ мнѣ билетъ счастливый въ лотереѣ,
Пускай жена не будетъ такъ груба
И станетъ обращаться подобрѣе.

Пусть напишу я драму «Не судьба»
И Лейкина вѣнокъ возьму скорѣе,
Для украшенья старческаго лба...
Еще хочу, подъ осень, въ сентябрѣ я,

Чтобъ убивать вечерній свой досугъ,
Дождаться «Библіотеки для Чтенья».
Еще хочу, чтобъ Розенгеймъ, мой другъ,

Такое написалъ стихотворенье,
Чтобъ можно было имъ безъ затрудненья
Весь шаръ земной перевязать вокругъ.

---

*

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ОДНОГО ДОМА НА ПЕСКАХЪ.

Вхожу; эта жолтая зала
О прошломъ мнѣ много сказала:
Съ тобой здѣсь былъ счастливъ корнетъ!..
Здѣсь ты мнѣ носки надвязала
И сшила дорожный кисетъ...

Носки тѣ давно изорвались,
Какъ ты, я согнулся и сѣдъ,
Дни юности милой умчались,
Лишь съ свѣжестью первой остались
Любовь и... дорожный кисетъ.

Тотъ счастливъ, чья жена не знаетъ
О томъ, что дважды два—четыре,
И съ полу трехъ-пудовой гири
Одной рукой не поднимаетъ.

Но жалокъ тотъ, кто въ благовѣрной
Своей супругѣ встрѣтитъ разомъ —
Разсудокъ съ силою безмѣрной,
Большой кулакъ и крѣпкій разумъ.

И мужъ, попавшій въ сѣть къ амуру,
Тогда сознается съ тоскою:
Нѣтъ, лучше брать въ супруги дуру,
Да не съ тяжелою рукою.

ВЪ АЛЬБОМЪ КАПИТАНШИ А. Р....ВОЙ.

Вы для меня темнѣй загадки,
Вы — ребусъ для моей души;
Порою, вы ужасно гадки,
Порою дивно хороши.

Плѣненный вами не по чину,
Свои позоря сѣдины,
Готовъ забыть я дисциплину
И крѣпость мускуловъ жены.

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ОДНОГО КЛУБА.

Подвязныя косы, люстры, канделябры
Кавалеры, дамы,
Рисовая пудра и сверканье фабры...
О, зашли куда мы?

Привыкать однакожь сталъ я понемногу
Къ блеску, шуму клуба,
И ходить старался съ публикою въ ногу
Въ позѣ Скалозуба.

Близь столовъ игорныхъ съ любопытствомъ стоя,
Жадностью волнуемъ,
Ужъ хотѣлъ поставить рубль одинъ въ лото я:
Дай молъ здѣсь рискну имъ!

Хвать въ карманъ, — о Боже! Какъ народъ безпутенъ! —

Нѣтъ часовъ въ жилетѣ!...
Лучше бъ надъ спиною просвисталъ шпицрутенъ,
Чѣмъ сюрпризы эти...

Мнѣ часы достались прямо изъ Женевы...
Въ нихъ четыре камня...
Братцы! не сболтните лишь о томъ женѣ вы —
А не то — бѣда мнѣ...

НА ЦВѢТОЧНОЙ ВЫСТАВКѢ ВЪ МАНЕЖѢ.

Когда войдя въ манежный залъ,
Я зашагалъ,
Какъ я въ тотъ часъ негодовалъ —
Никто не зналъ.
Межъ стройныхъ пальмъ и пышныхъ розъ
Мой гнѣвъ все росъ,
Мнѣ за тебя, о вѣрный Россъ,
Краснѣть пришлось.
Пусть видъ лилей и чистъ и свѣжъ,
Но гдѣ жъ я, гдѣ жъ?
Оркестръ! Насъ музыкой не тѣшь:
Вѣдь здѣсь — манежъ!...
Тамъ, гдѣ сбирался грозный станъ
Подъ барабанъ,
Къ стыду воинственныхъ славянъ,
Журчалъ фонтанъ,

Гдѣ былъ разводъ, гдѣ былъ парадъ —
Тамъ выросъ садъ…
И я, узрѣвъ такой развратъ,
Бѣжалъ назадъ.

ЭПИТАФІЯ ДЕНЬЩИКУ.

Пускай холодною землею
Засыпанъ ты,
Пусть нѣтъ ограды надъ тобою
И нѣтъ плиты;

Но я ни разу въ этомъ мірѣ
Не забывалъ,
Какъ канты новые въ мундирѣ
Ты мнѣ вшивалъ,

Какъ хорошо, — тѣмъ восхищались
Твои враги, —
Тобою съ глянцемъ вычищались
Мнѣ сапоги.

Мы голодали на походѣ —
Ты не былъ хмуръ, —
И самъ въ сосѣднемъ огородѣ
Ловилъ намъ куръ.

Ты ловокъ былъ достать деньжонокъ, —
Талантовъ — тьма! —
Ты деревенскихъ всѣхъ бабенокъ
Сводилъ съ ума.

Хоть круглый годъ ты не чесался,
Не мылъ лица,
Но неподкупнымъ мной считался
Ты до конца.

Къ твоимъ замашкамъ и отвѣтамъ
Я такъ привыкъ,
Мнѣ не услужитъ въ мірѣ этомъ
Иной деньщикъ.

Какъ Розенгеймъ, я экономовъ
Не воспѣвалъ,
Но вѣрь, мой другъ,—тебя, Бурбоновъ,
Не забывалъ.

ЗА ПИСЬМЕННЫМЪ СТОЛОМЪ.

Факты, проклятые факты!
Думай хоть ночь на пролетъ,
Но не напишешь никакъ ты
Хронику въ строчекъ пятьсотъ.
Что же! Не по сту же лѣтъ намъ!
Всякій испишется такъ...
(Боже! въ карманѣ жилетномъ
Только одинъ четвертакъ).
Новостей нѣтъ какъ на зло мнѣ.
Фактъ сообщенъ лишь одинъ:
Въ портерной гдѣ-то въ Коломнѣ
Выкололъ глазъ мѣщанинъ.
Тутъ на журнальную клячу
Станешь какъ разъ походить...
(Завтра хозяинъ за дачу
Деньги пріѣдетъ просить).
Сяду. Ну, строкъ полтораста
Я посвящу болтовнѣ —

Хоть-бы объ этомъ, что часто
Подмѣсь встрѣчаютъ въ винѣ,
Что, дескать, множество жалобъ
Слышимъ мы всѣ издавна...
(Кстати, теперь не мѣшало-бъ
Выпить бутылку вина).
Два, три столбца размышленій
(Желчи пущу подъ конецъ
О нищетѣ всѣхъ явленій)
Павловску — цѣлый столбецъ.
Излеръ!... Ну, тоже опишемъ.
Я хоть тамъ не былъ весь годъ,
Но, по послѣднимъ афишамъ,
Вытяну строкъ до двухъ сотъ.
Какъ? ужъ четвертый часъ ночи?
Кончивъ гуляній обзоръ,
(Строчки чтобъ были короче)
Выведу я *разговоръ:*
— «Здравствуй!»—«Куда ты?» «Къ Донону!»
—«Ба, я туда же...»—«Ну, маршъ...»
Живость придастъ фельетону
Эта начинка и фаршъ.
Фактовъ здѣсь мало, положимъ.
Пусть же читатель пойметъ:
Выдумать ихъ мы не можемъ,
Если ихъ жизнь не даетъ.

Каждый, путемъ незамѣтнымъ,
Старѣясь, въ мірѣ идетъ...
Тѣшить не до ста же лѣтъ намъ
Скукой томимый народъ.

Жизнь наша въ родѣ плацъ-парада;
И въ зной, и въ холодъ на вѣтру,
Маршировать тѣмъ плацомъ надо,
Какъ на инспекторскомъ смотру.

Какъ рекрутъ, выучись смиряться,
Но забѣгать не хлопочи:
Похвалятъ—крикни: «радъ стараться!»
А не похвалятъ — промолчи.

Тебѣ прикажутъ — дѣлай дѣло!
Терпи — вотъ лучшій твой паекъ,
А въ остальное время смѣло
Носокъ вытягивай, носокъ!..

Любовь въ хорошемъ смыслѣ слова доступна только въ шестьдесятъ восемь лѣтъ.

Евгенія Туръ.

Mesdames! Любви въ шестнадцать лѣтъ
Вы опасайтесь, какъ холеры,
Какъ кладъ, храните жизни цвѣтъ
И дожидайтесь лучшей эры.
  Когда вамъ минетъ двадцать лѣтъ,
  Танцуйте, пойте, наряжайтесь,
  Любите оперу, балетъ,
  Но о любви не заикайтесь.
Когда вамъ минетъ тридцать лѣтъ
Играйте въ домино-лото вы,
Но женихамъ скажите: «нѣтъ»
И будьте холодны, суровы.
  Когда вамъ минетъ сорокъ лѣтъ,
  Вы далеки еще отъ цѣли:
  Давайте всѣмъ такой отвѣтъ,
  Что для любви вы не созрѣли.
Когда вамъ будетъ пятьдесятъ,
То, подтянувъ свои морщины,

Бросать учитесь робкій взлядъ
При видѣ каждаго мужчины.
  Когдажъ вамъ стукнетъ шестьдесятъ,
  Для васъ въ любви ужъ нѣтъ запрета....
  Любовь старушекъ, говорятъ,
  Теплѣй тропическаго лѣта.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТГОЛОСКИ.

1.

Любилъ и я въ иную пору
Внимать въ славянской сторонѣ
И эстетическому спору,
И полемической войнѣ.

Теперь сношу я еле-еле,
Любя покой и тихій кровъ,
Литературныя дуэли
Литературныхъ юнкеровъ.

Теперь люблю съ женою вмѣстѣ
Въ окнѣ — хожалыхъ строгій видъ,
Подъ вечеръ—чтенье мудрой «Вѣсти»,
Поутру — «Русскій Инвалидъ».

2.

Какъ оракулъ, правдѣ вѣренъ,
Какъ кликуша вѣщій, правъ,

Обличалъ же разъ Чичеринъ
Нашъ казацкій пылъ и нравъ.
Совершилось! Всюду знаки
Бойкой прессы,—гибнетъ зло
И журнальные казаки
Рыщутъ, перья на голо.
«Отрицанья бомбы» въ спорѣ
Не смущаютъ сна враговъ,
«Взбаламученное море»
Вышло вонъ изъ береговъ.
Фетъ — и тотъ запасся пикой
И, ко славѣ нашихъ дней,
Затѣваетъ бой великій
Съ грубымъ обществомъ свиней.
Даже, чувствуя влеченье
Къ битвѣ, — Богъ вѣсть ужъ зачѣмъ,
«Библіотека для Чтенья»
Надѣваетъ ратный шлемъ.

3.

(ПОДРАЖАНІЕ ФЕТУ).

Коршъ и Ѳедоръ Достоевскій,
Михаилъ Катковъ,
Розенгеймъ, Андрей Краевскій,
Туръ и Соловьевъ,

Мессарошъ, Степанъ Дудышкинъ,
Чижикъ и Шульгинъ,
Благовѣщенскій и Шишкинъ
И Ефимъ Зоринъ.
Ростиславъ, Сѣровъ, Стебницкій,
Майковъ, Пашино,
Чаевъ, Бабиковъ, Лохвицкій
И Михно, Михно...

Великій умъ, талантъ огромный
Подъ скромной буквой мы найдемъ,
Хотя бъ сказалъ намъ авторъ скромный:
«Что въ имени тебѣ моемъ?»
Иной съ фамиліей двойною
Пройдетъ въ журналахъ безъ слѣда,
Другой подъ буквою одною
Извѣстенъ многіе года.
Вождя «Пчелы» Россія знала
Въ чертогахъ пышныхъ и въ избѣ
И по субботамъ изнывала
При видѣ буквъ Ѳ. и Б.
Когда-то съ видомъ удивленья
Любила каждая семья
Перебирать произведенья
Подъ псевдонимомъ Я. Я. Я.
И въ наши дни въ Москвѣ смѣкали,
Чья это въ «Зрителѣ» статья,
Когда внизу статьи читали
Два слова надписи: Не—я.

А ты, плодъ скуки идеальной,
Тебя мы ставимъ всѣмъ въ примѣръ,
Нашъ лѣтописецъ музыкальный —
Сынъ «Сынъ Отечества» М. Р.
А ты, презрѣвшій иглы терній!....
Тебя забудемъ мы уже-ль —
Корреспондентъ изъ всѣхъ губерній,
Соратникъ «Голоса» — В. Л.?

Для любаго русопета
Вся Европа трынъ-трава,
И кому придетъ охота
Признавать ея права?..
Европейскіе народы
Какъ грозы боятся насъ;
Даже наши антиподы —
Янки, всѣ предъ Русью — пасъ.

Любитъ хвастать парижанинъ,
Но никто не забывалъ
Какъ морозомъ разрумяненъ,
Изъ Москвы онъ удиралъ.
Я бы могъ начать ab ovo,
Но замѣчу безъ хлопотъ,
Что французика любаго
Русскій за поясъ заткнетъ.

Рыжекудрый и невзрачный,
Грозенъ англійскій боксеръ,

А вступи-ка въ бой кулачный
Съ русскимъ витяземъ въ упоръ,
Такъ кичиться очень скоро
Въ немъ охота пропадетъ
И британскаго боксера
Русскій за поясъ заткнетъ.

Итальянцу нуженъ танецъ,
Для испанца — бой быковъ,
Съ золотухи слѣпъ германецъ,
Грекъ, какъ турокъ, безтолковъ...
Въ дѣлѣ славы, пользы, чести
Мы одни ушли впередъ....
Право, всѣхъ ихъ взявши вмѣстѣ,
Русскій за поясъ заткнетъ.

Солдаты русскаго Парнаса,
Фельдфебеля, ефрейтора!
Талантъ вашъ — крѣпкая кираса,
И вашъ ударъ — въ концѣ пера.
Вашъ стихъ пьянитъ, какъ чай фамильный;
Лиризмъ—убійственнѣй мортиръ;
Забрызганъ влагою чернильной
Изъ виршей склеенный мундиръ.
Куплеты мчатся, какъ гранаты,
И риѳмы строятся въ полки.
Парнаса русскаго солдаты,
Сомкните строй вашъ — и въ штыки!...

ПОСЛѢ ЛОМОНОСОВСКАГО ЮБИЛЕЯ.

I.

1.

Пѣвецъ «Коляски», «Фортунаты»,
Создатель «Нивы» и «Полей»!
Рукоплескали мы, когда ты
Прочелъ стихи на юбилей,
Хотя въ стихахъ твоихъ не рѣдко
Терзали слухъ нашъ: *ужъ*, *ужъ*, *ужъ*...
Но поразилъ ты нѣмцевъ мѣтко...
Хвала тебѣ, о чудный мужъ!...

2.

Свой потъ стиралъ я полотенцемъ,
Когда, бросая гордый взоръ,
Ты за Шумахера всѣмъ нѣмцамъ
Далъ энергическій отпоръ.
Германцевъ пришлыхъ колесницы
Ты, какъ Самсонъ, на зло субьбѣ,
Хваталъ рукой своей за спицы...
О, чудный мужъ, хвала тебѣ!..

3.

Намъ за обѣдомъ любо было
Прослушать смѣлую строку,
Когда при всѣхъ названье: «дуба»
Ты далъ поэту-рыбаку.
Намъ были любы звуки эти:
«*Вотще*», «*во длани...*» Почему-жъ
Не повторять тѣхъ словъ въ куплетѣ?..
Хвала тебѣ, о чудный мужъ!

4.

Теперь ребенокъ каждый знаетъ,
На что рожденъ пѣвецъ «Полей»:
Гдѣ юбилей — тамъ онъ читаетъ,
Гдѣ Майковъ — тамъ и юбилей.
Всегда закатываютъ глазки
Графиня А., княгиня Б.,
Внимая автору «Коляски»...
О, чудный мужъ! Хвала тебѣ!..

II.

Когда мы, въ гордости алѣя,
На общемъ праздникѣ «ста лѣтъ»,
Съ духовной пищей юбилея,
Вкуснѣе явствъ Дюссо и Клея,
Сбирались съѣсть, родной обѣдъ;
Когда волненье обнаружа,

Мы ждали спичей и стиховъ
Во славу доблестнаго мужа
Изъ холмогорскихъ рыбаковъ, —
Тогда (всѣ пуговки жилетовъ
Рвались отъ сладкихъ вздоховъ тутъ)
Рядъ розенгеймовскихъ куплетовъ
Мы услыхали межъ двухъ блюдъ.
Сверкалъ, всѣмъ лирикамъ въ науку,
Стихъ каждый, словно бриллiантъ;
«Казалъ онъ издали, какъ штуку»,
Намъ сумароковскiй талантъ.
—«Еще съ временъ Екатерины»—
При этомъ каждый говорилъ,
«Къ намъ изъ «народной сердцевины»
Такой пѣвецъ не приходилъ.»
Я самъ сказалъ (въ жару витiи
Вино мной было пролито),
Что пѣть въ Россiи о Россiи
Лишь можетъ онъ, или никто!...
Да, «можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумовъ Невтоновъ
Земля Россiйская рождать».
—«Теперь», кричимъ семьею всей мы,
«Межъ насъ родятся Розенгеймы,
Къ чему жъ Платоновъ намъ желать?»

БАСНЯ.

Къ тяжелой конурѣ привязанъ,
Рвался, метался песъ.
«За что, за что я такъ наказанъ?»
Его хозяинъ тронутъ былъ до слезъ
И, наконецъ, смягчившись какъ-то, разъ онъ
Отъ цѣпи пса освободилъ.
— Ну, что же песъ?—На шагъ не отходилъ
Отъ конуры и на цѣпь вновь просился,
Какъ будто съ ней онъ счастія лишился.

—

Такъ ты, газета «Голосъ»... но едва-ль
Мнѣ нужно пояснять мою мораль.

ВЪ ТЕАТРѢ.

(ОПЫТЪ БЛАГОНАМЕРЕННОЙ САТИРЫ).

Тусклый день... Блещутъ иглы мороза,
Въ небѣ, въ воздухѣ, въ сердцѣ — тоска...
На умѣ канцелярская проза
И не рвутся стихи съ языка.
Снится цензоръ во снѣ и тяжка
Даже наша полночная греза.
Знаетъ каждый теперь наизусть,—
Что прочтетъ онъ на утро въ газетѣ...
Муза! чѣмъ же разсѣять мнѣ грусть?
Примадонны нѣтъ новой въ балетѣ,
По преданью хорошъ Тамберликъ,
Итальянская опера пала,
Да къ тому же — скажу на прямикъ —
Въ этой музыкѣ смыслю я мало.
Безъ того слабы нервы у насъ
И разстроиться можно какъ разъ
Отъ руладъ, отъ балетнаго танца...

Нѣтъ, пойду я взглянуть «Самозванца»,
Благо новая пьеса идетъ...
Между креселъ иду я впередъ,
Вынимая бинокль изъ футляра.
Въ бенефисы, въ дни новыхъ піесъ,
Съ галлереи до мѣстъ бенуара
Говорятъ,—ужъ таковъ нашъ прогрессъ—
Собирается публика чище:
Звѣзды, гвардія въ первомъ ряду
(Для сатиры не мало есть пищи),
А на ложи бинокль наведу —
Бархатъ, газъ, брилліанты фальшивые
И фальшивыя косы у дамъ
Замѣчаю по ложамъ тоскливо я.
Блескъ и роскошь повсюду... Но намъ
Обмануться въ одномъ невозможно, —
Наша муза не вовсе слѣпа, —
Отчего это смотритъ тревожно
И пугливо повсюду толпа?
Отчего это въ каждомъ лицѣ мы
Видимъ скрытый, но ѣдкій испугъ?
Для рѣшенья подобной проблеммы
Оглянитесь, прошу васъ, вокругъ.

Городъ тотъ же и наша столица
Также смотритъ, нарядна, пышна,

Но заботою дышатъ всѣ лица
И зловѣщая скорбь въ нихъ видна.
Эта скорбь не гражданская. Годы
Этой скорби гражданской прошли.
Нѣтъ, скорбятъ отъ новѣйшей невзгоды
Представители русской земли.
Въ клубѣ англійскомъ, въ оперѣ, въ думѣ,
На балахъ, на рысистомъ бѣгу,
Въ маскарадномъ волненьи и шумѣ,
Въ каждомъ взглядѣ замѣтить могу
Я одно безпокойство: «притянутъ
«Къ мировому судьѣ и меня
«И публично допрашивать станутъ...»
И напрасно, со сцены маня,
Распѣваетъ Барбо, какъ сирена,
Надрывается русская сцена —
Чаевъ, Вильде, Дьяченко, Сѣровъ,
Чтобъ разсѣять всеобщую скуку,
Но, глухіе къ волшебному звуку
Всѣхъ пѣвицъ и родныхъ теноровъ,
Даже слушая музыку Сафо,
Смущены мы видѣньемъ однимъ:
Тѣнь судьи мироваго и съ нимъ
Насъ преслѣдуетъ тѣнь стенографа.
И ни пышный и тонкій обѣдъ,
Съ черепаховымъ супомъ, съ омарами,

Ни причудливый новый балетъ,
Ни jour fixe съ дорогими сигарами
Въ свѣтлой залѣ, въ сверканіи свѣчь —
Насъ не могутъ ужъ больше развлечь.
«Трудъ всемірный»—изданіе Хана,
Вы граждане, не ставите въ грошъ,
Даже новый журналъ Мессарошъ,—
Украшенье журнальнаго стана, —
Не извѣстенъ... Держу я пари,
Что двѣ дамы читали едвали
Въ этомъ мужеско-женскомъ журналѣ
Граціозный его «Causerie.»

Мы не столько боялись холеры,
Въ нигилизмѣ нѣтъ столько вреда,
Какъ смутили насъ новыя мѣры
И принципъ мироваго суда.
Грусть понятная каждаго гложетъ, —
Вотъ онъ, вредъ современныхъ идей,—
Эта гордая дама, быть можетъ,
Завтра рядомъ съ служанкою своей
Будетъ вмѣстѣ судиться публично,
Штрафъ заплатитъ... но страшенъ не штрафъ,
Но слѣдящій за всѣмъ безразлично
Равнодушный, нѣмой стенографъ.
Сотни глазъ сторожатъ ее въ залѣ,
А на утро—глядишь—изъ газетъ

Цѣлый городъ объ этомъ скандалѣ
Узнаетъ... Отговорки намъ нѣтъ,
Не даютъ намъ, какъ прежде, потачки
За безчинство, за брань, за пинки,
За полтинникъ недоданный прачкѣ,
Мы боимся кухарки, слуги,
Женъ боимся... Съ женой рукопашныя
Свалки стали опасны теперь...
Времена положительно сграшныя!..
Но на время досаду умѣрь,
Моя муза, и русскою драмою
Разгони свою думу упрямую.

Посмотри: даровитый актеръ,—
Подъ него не подточишь булавки,—
Въ «Самозванцѣ» кричитъ какъ жолнеръ,
На лицо наклеивъ бородавки,
Чтобъ цѣнители русской земли
Хоть по этимъ примѣтамъ могли
Въ немъ царевича Дмитрія видѣть...
Одного не умѣлъ онъ предвидѣть,—
Хоть прочелъ бы статью Костомарова,—
Что роль мальчика вовсе нейдетъ
Для артиста сѣдаго и стараго.
Дѣло, впрочемъ, не въ этомъ. Народъ
Любитъ въ драмѣ сидѣть исторической,

*

Гдѣ есть вопли, война, эшафотъ,
И нашъ хохотъ невольный, нервическій
Только можетъ досаду разжечь
Въ русской публикѣ, хлопать готовой
Каждый разъ мелодрамѣ грошовой...
Муза! спрячь же карающій мечь!
Русской сцены блестящую славу
Не порочь—не по силамъ тотъ трудъ—
А не то и тебя на расправу
Къ мировому судьѣ позовутъ.

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ПРЕДАНІЕ.

(ИЗЪ ХРОНИКЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ).

Возвратясь изъ села,
Гдѣ, не вѣдая зла,
Спалъ художникъ до нашихъ временъ,
Сей угрюмый старикъ
Надѣваетъ парикъ
И спѣшитъ въ Академію онъ.

Не огромный этюдъ,—
До этюдовъ-ли тутъ!—
Отставной академикъ несетъ
Не несетъ на эффектъ
Превосходный проэктъ—
Плодъ упорныхъ и долгихъ работъ.

Но съ туманнымъ лицомъ
Предъ знакомымъ крыльцомъ,
Онъ вздохнулъ, покачавъ головой;

Весь онъ пылью покрытъ,
Лишь въ карманѣ торчитъ
Карандашъ двадцати-фунтовой.

Вотъ по заламъ идетъ,
И бѣжитъ съ него потъ,
Точно въ душу закрался недугъ;
Предъ картиною Ге
Онъ, въ здоровой ногѣ,
Боль подагры почувствовалъ вдругъ.

Поблѣднѣвъ и дрожа,
(Видятъ всѣ сторожа),
Онъ изрекъ, задыхаясь отъ слезъ:
«Даже въ землю славянъ
Ты, проклятый Ренанъ,
Непотребныя мысли занесъ!...

О, развратъ! О, содомъ!»—
И глядитъ онъ кругомъ,
Онъ знакомаго стража зоветъ,
И сѣдой инвалидъ—
Что у двери стоитъ—
На призывъ его, молча, идетъ.

—«Объясни же мнѣ, стражъ,
Я забрался куда-жь?
Зала эта—не та, что была...

Пусть ты нѣсколько простъ,
Пусть высокій твой ростъ
Въ три погибели старость свела,

«Но—я вижу—душа
У тебя хороша,
Лжи не знаетъ твой честный языкъ.
Разскажи же сейчасъ,
Что случилось у васъ?
Разскажи мнѣ всю правду, старикъ!»

—«Что сказать! Какъ всегда
И въ былые года,
Значитъ, выставку нонче стерегъ,
Да смотрѣлъ на господъ,
Чтобъ никто въ этотъ годъ
Тутъ въ калошахъ шататься не могъ.

«Ажь измучился весь...
А объ выставкѣ здѣсь
Много толковъ наслышался... Что-жъ!..
Все пустая молва!
И шальныя слова
Я давно ужь не ставлю и въ грошъ.

«Вотъ *Отела* у всѣхъ
Былъ здѣсь поднятъ на смѣхъ,
А картина, какъ есть—первый сортъ,

Аль вонъ та, у окна—
(Литовченки она),
Гдѣ за барышней гонится чортъ.

«Всѣ смѣялись... Эге!..
Чѣмъ же хуже онъ Ге!
И чему тутъ дивилась толпа?
И разинувши ротъ,
Собирался народъ?...
Значитъ, публика стала глупа...

«И художниковъ нѣтъ.
Былъ у насъ здѣсь совѣтъ,
Разсуждать собирались не разъ,
Для программъ, говорятъ,
Вотъ для нашихъ ребятъ,
Что съ натурщикомъ шляются въ классъ.

«Безъ задачи нельзя-жь!..
Каждый пустится въ блажь
И начальство сконфузитъ—поди!
Знаю я,—хоть солдатъ,—
То пиши, что велятъ,
Какъ указано, кистью води.

«Засѣдаетъ совѣтъ,
Думалъ долго, аль нѣтъ,
Но придумалъ же штуку—и вотъ

Всѣмъ поставилъ на видъ:
Такъ и такъ, говоритъ,
Напишите, примѣрно, разводъ.

«Чтобы былъ на плацу
Молодецъ къ молодцу,
И «уру» всѣ кричали за-разъ...
Вотъ придуманъ чертежъ
И зовутъ молодежь
Получать отъ начальства заказъ.

«И стряслась тутъ бѣда.
Собрались господа
(Всѣмъ имъ, значитъ, писать на медаль),
Всѣ стоятъ да молчатъ,
А одинъ депутатъ
Сталъ впередъ, да и вывелъ мораль.

«Дескать, видите-ль, намъ
Не угодно программъ,
Сами выберемъ... какъ бишь... сюжетъ.
По заказу опять
Не хотимъ мы писать
И отставки представимъ въ совѣтъ.

«Всѣ и эдакъ, и такъ,
Но тринадцать бумагъ
Молодежь отъ себя подаетъ

И изъ залы потомъ
Всѣ тринадцать гуртомъ
Вышли вонъ, да и маршъ изъ воротъ.

«Весь совѣтъ онѣмѣлъ.
Даже я поблѣднѣлъ
И стоялъ у дверей самъ не свой;
Точно дюжина львовъ,
Б—ни, В—игъ и Л—овъ
Заревѣли и подняли вой.

«А профессоръ нашъ Т—нъ
Говорить сталъ не въ тонъ,
Кто-жь оказіи эдакой ждалъ!..»
—«Нѣтъ, безумный старикъ,
Лжетъ твой старый языкъ —
Ты неправду одну разсказалъ.

«Отъ конкурсныхъ картинъ
Ученикъ ни одинъ
Отказаться не смѣетъ теперь,
Онъ не можетъ уйдти,
Не собьется съ пути,
Не дерзнетъ разсуждать онъ, повѣрь».

—«Нѣтъ, не чудилось мнѣ,
Я стоялъ при огнѣ,—
Въ корридорѣ горятъ фонари,

Всѣ художники вкругъ
Собралися,—и вдругъ
Разбрелись по домамъ до зари».

За Невою есть домъ,
Заколоченъ кругомъ,
Точно гробъ позабытый стоитъ;
Престарѣлый народъ
Въ этомъ домѣ живетъ
И дичится людей и молчитъ.

Этотъ домъ, чей же онъ?
Кто съ давнишнихъ временъ
Въ немъ живетъ и не выйдетъ на свѣтъ?
То — завѣщанный намъ
Академіи храмъ,
То — его одинокій совѣтъ.

ЭКСПРОМТЫ.

1.

Европеецъ съ взглядомъ узкимъ
Не дивитъ славянскій родъ
И сравниться можетъ съ Русскимъ
Только Янки-антиподъ.

«Наше время — тоже злато»
Вслѣдъ за Янки вторитъ Россъ;
«Время — деньги» — такъ когда-то
Достоевскій произнесъ.

Янки трудится до поту,
Русскій въ баняхъ льетъ свой потъ,
Янки всталъ и — за работу,
Русскій всталъ и... спать идетъ.

Янки пьетъ безъ содроганья
Джинъ, настойку и коньякъ,
И у Русскихъ — что ни зданье,
То харчевня, иль кабакъ.

Богатѣетъ каждый янки,
Призирая сонъ и лѣнь,
Мы закладываемъ въ Банкѣ
Серебро.... на черный день.

Безъ стыдливаго румянца
Мы, избравъ единый путь,
На привѣтъ американца
Можемъ руку протянуть.

II.

Какъ не узнать стиховъ мнѣ М—р—к—ва:
Въ нихъ грязь одна, не ядъ.
Онп такого свойства маркаго —
Что тотчасъ загрязнятъ.

III.

Торчитъ всегда послѣдній,
Съ согнутою спиной,
Въ сіятельной передней
Поэтъ нашъ отставной.
Творецъ различныхъ бредней!
Гордись умомъ своимъ:
По милости *передней*
Ты сталъ — *передовымъ*.

IV.

ЛИРИКУ.

Къ намъ всѣ дары не сходятъ вмѣстѣ.
Поэтъ! ты все жъ въ счастливой расѣ.
Пусть ты безъ мѣста на Парнасѣ,
Но на землѣ — на бойкомъ мѣстѣ.

V.

Мой другъ, ты очень разсердился,
Что предъ женой твоей старикъ
Вчера на креслахъ развалился.
Уже ль къ тому ты не привыкъ?
Тутъ, право, не зачто браниться —
За старцемъ вовсе нѣтъ вины:
Вѣдь всѣ развалины должны
Когда нибудь да *развалиться*.

VI.

МОСКОВСКОМУ ПУБЛИЦИСТУ.

Рой свистуновъ тебя чернилъ,
Ихъ змѣи зависти сосутъ;
Но Русь даритъ тебѣ сосудъ
Для полемическихъ чернилъ...
И предсказать могу теперь я,
Чтобъ публицисту угодить.
Чинить тебѣ всѣ будутъ перья
И угожденія... чинить.

ЗАМѢТКИ.

(ПОДРАЖАНІЕ МОСКОВСКОМУ ПОЭТУ).

1.

«На нашей почвѣ урожайной
Роститъ и тупость семена»...
Такъ молвилъ въ злобѣ чрезвычайной
Поэтъ, воспрянувшій отъ сна.
Вы правы злобою алѣя:
Въ одни и тѣже времена
Взросли — вѣдь нѣтъ насмѣшки злѣе —
Таланта Пушкина лилея
И вашей музы бѣлена.

2.

Забывъ случайно умереть,
Онъ мертвецомъ остался въ свѣтѣ
И хочетъ въ жизни снова пѣть,
А ужь его отпѣли дѣти.

3.

АВТОРУ «ПРОГРЕССИСТА САМОЗВАНЦА.»

Пускай твой стихъ при всей отвагѣ
(Подъ старость стихъ—тяжолый трудъ)

*

Ложится плохо на бумагѣ:
У насъ лежачаго не бьютъ.

4.

П. А. В.

Дѣлить богатство съ бѣднякомъ
Не хочетъ онъ,—знать скупость гложетъ,
А подѣлиться съ нимъ умомъ
Хоть и желалъ бы, да не можетъ.

5.

Проснулась въ немъ страстей игра,
За то, что мысль несходитъ къ барду,
И вмѣсто прежняго пера
Схватился онъ за алебарду.
Напрасно будочника видъ
Принявъ, онъ ею машетъ гордо,
Но на Парнасѣ Держиморда
Ужъ никого не устрашитъ.

6.

Не подписавшись въ каждой книжкѣ,
Вы не должны стиховъ писать...
Такъ мы на вяземской коврижкѣ
Привыкли надписи читать.

7.

Опять запѣлъ на старый ладъ онъ
И хочетъ сжечь насъ эпиграммой,
Но только жжетъ надгробный ладонъ
Надъ собственной могильной ямой.

VII.

Демократовъ съ давнихъ поръ,
Какъ мальчишекъ-вѣтрогоновъ,
Уважать не могъ маіоръ
Михаилъ Петровъ Бурбоновъ.
Униженію ихъ радъ
Онъ повсюду; — и за тѣмъ онъ,
Даже слово: «*демократъ*»
Произвелъ отъ слова: «*демонъ*».

VIII.

Ума, поэзіи въ тебѣ давно ужъ нѣтъ.
Ты намъ являешься ужъ много, много лѣтъ
Заплатой новою — о старый человѣче!
На ветхомъ рубищѣ Булгарина и Греча.

IX.

ГАЛАНТНОМУ ЖУРНАЛИСТУ.

Когда статьи о бѣдномъ братѣ
Ты сочиняешь, полный мукъ,
Прошу тебя, взгляни ты кстати
На брилліанты пухлыхъ рукъ.
И, можетъ быть, тебя алмазы
Заставятъ вздрогнуть хоть слегка:
Вѣдь брилліантовыя фразы
Легко гранить въ честь бѣдняка.
Притомъ введешь ли насъ въ обманъ ты?
Съ тебя личина ужь снята:
На жирныхъ пальцахъ брилліанты,
А въ дѣлѣ мысли — нищета.

X.

ПОДРАЖАНІЕ НОВѢЙШИМЪ НЕКРОЛОГАМЪ.

Онъ былъ великій человѣкъ,
Его мы спичемъ удостоимъ:
Онъ удивлялъ насъ цѣлый вѣкъ
Своимъ талантомъ и запоемъ.
Толпа! прости ему грѣхи
И грязью памятникъ не пачкай:
Писалъ онъ бѣлые стихи
И умеръ бѣлою горячкой.

XI.

АНАЛОГІЯ СТИХОТВОРЦА.

— «Я—новый Байронъ!» такъ кругомъ
Ты о себѣ провозглашаешь.
Согласенъ въ томъ:
Поэтъ Британіи былъ хромъ
А ты — въ стихахъ своихъ хромаешь.

XII.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭКСПРОМТЪ.

Люблю твой голосъ я, веселый, рѣзвый видъ,
Люблю твои прекрасные глаза,
Но грустно мнѣ одно, что рѣдко въ нихъ блеститъ
Гражданская слеза.

XIII.

ПУБЛИЦИСТУ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

Дивились мы по одиночкѣ,
Что ты опрятностью народъ
Плѣнялъ почти на всякой строчкѣ:
Ты каждый день мѣнялъ сорочки,
А убѣжденья — черезъ годъ.
Врагъ неподвижности и спячки,
Любилъ мѣнять ты свой нарядъ,
И потому-то въ общей стачкѣ
Твои читатели и прачки
Тебя за то благодарятъ.

XIV.

ЖУРНАЛУ,

КОТОРЫЙ ПЕЧАТНО НАЗЫВАЕТЪ СЕБЯ ТО **«СЫНОМЪ ОТЕЧЕСТВА»**, ТО «LE FILS DE LA PATRIE»

Плохой снаружи и внутри,
Журналъ напрасно такъ ведется:
То «Сынъ Отечества» зовется,
А то Le fils de la Patrie.
Нѣтъ, милый сынъ, узнай заранѣ,
Что обѣ клички не впопадъ —
Тебя французы и славяне
Усыновить не захотятъ.

XV.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Испанки мнѣ не по нутру,
Я патріотъ и здѣсь немножко.
Испанка — ангелъ по утру,
А къ ночи, смотришь — стала кошка.
Славянка наша не хитра,
Но постояннѣе, конечно:
Она царапается вѣчно,
Какъ кошка, съ ночи до утра.

XVI.

КЪ ПОРТРЕТУ Г. САМОЙЛОВА,

ИЗОБРАЖЕННОМУ БЕЗЪ РУБАШКИ.

Дивились мы на твой портретъ,
Коря художника замашку:
Зачѣмъ онъ снялъ съ тебя жилетъ
И даже самую рубашку?
Но ты-ль страшишься эпиграммъ?
Но ты-ль трепещешь перемѣны?
Такъ храмъ разрушенный—все храмъ,
Такъ корифей столичной сцены
И безъ рубашки дорогъ намъ.

XVII.

БОБОРЫКИНУ ВЪ РОЛИ ЧАЦКАГО.

Карету мнѣ, карету!
(Горе отъ ума, актъ IV).

На сценѣ видя пьесу эту,
Я объ одномъ лишь плакалъ фактѣ,
Что Боборыкину карету
Не предложили въ первомъ актѣ.

XVIII.

«Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія
Васъ—Омулевскіе, Орловы
Читалъ бы, можетъ быть, и я;
Но нынче, смысла въ васъ не чуя,
(Вамъ здравый смыслъ не по плечу)
Пѣвцы! *читать* васъ не хочу я,
Но лишь *отчитывать* хочу.

XIX.

Ваши зубы—перлы моря, —
Не хвалить ихъ я не могъ,
Но за то большое горе
Къ вамъ попасться на зубокъ.

XX.

А. П. К—ОЙ.

Баловницей называла
Васъ толпа предъ всей столицей;
Бывши вѣкъ царицей *бала*,
Какъ не быть вамъ *баловницей?*...

XXI.

Къ чему враговъ боится онъ!
Чтобъ въ битву стать съ врагами
Своей женою награжденъ
Онъ крѣпкими рогами.

XXII.

ДВУСТИШІЯ.

ПОДРАЖАНІЕ А. МАЙКОВУ.

1.

Право, въ дорогѣ не то, что въ столичной квартирѣ подъ крышей.
Можно по всюду въ ней дѣлать окрошку изъ разныхъ двустишій.

2.

Въ окна вагона врывается вѣтеръ весенній...
Дѣва въ твоей головѣ тоже вѣтеръ играетъ.

3.

Милый сосѣдъ! аппетитъ твой предвижу заранѣ:
Порцію славныхъ битковъ истребишъ ты въ Любани.

4.

Люди въ дорогѣ сближаются скоро, я слышалъ;
Нужно и мнѣ по немножку сблизится съ смуглой сосѣдкой.

5.

Странное дѣло: кондукторъ курить запрещаетъ въ вагонѣ.
Только-бъ никто не дрался, а курить отчего не позволить?

6.

Такъ я настроенъ, что если бы ногу мою здѣсь украли,
Я бы, ей Богу, протеста писать не подумалъ.

XXIII.

У ВХОДА ВЪ ПРЕССУ.

—Кто тамъ? —«Я истина». —Назадъ!
Въ васъ наша пресса не нуждается.
— «Я честность!» —Вонъ! — «Я разумъ!»
—Братъ,
Иди ты прочь: входъ запрещается.
—Ты кто такая? —«Пропусти
«Безъ разговоровъ. Я—субсидія!..»
—А, вы у насъ въ большой чести:
Васъ пропущу во всякомъ видѣ я!

XXIV.

Н. ЩЕРБИНѢ,

ИЗДАВШЕМУ СБОРНИКЪ «ПЧЕЛА».

Поэтъ! къ единственной я склоненъ похвалѣ:
«Пчела» Булгарина сродни твоей «Пчелѣ».

XXV.

„Что *думаютъ сосны, когда они спятъ!*“
Я. Полонскій.

Пѣвецъ! Хоть ищешь думъ въ соснѣ ты,
Но мы рѣшили навсегда,
Что сосны также, какъ поэты,
Едва-ли думали когда.

XXVI.

КОМИКУ.

Сценическій Торцовъ Любимъ!
Мы цѣнимъ твой талантъ и принципъ
И даже вѣрно въ Датскомъ Принцѣ-бъ
Ты былъ убійственно хорошъ.

XXVII.

НОВОМУ КЛУБУ.

Новый клубъ дивитъ народъ
Обстановкой будуарной,
Какъ изящный переплетъ
Книги скучной и бездарной.
Сколько лишняго труда!..
Всѣ хлопочутъ изъ чего-то...
Вѣрьте—дальше переплета
Не пойти вамъ, господа.

XXVIII.

ВЪ КЛУБѢ.

Къ чему встрѣчать онъ будетъ грубо
Совѣта клубнаго рѣшенье?
Его вѣдь *вывели* изъ клуба,
Не *выводивши* изъ терпѣнья.

XXIX.

Часы и женщины, порой, одно и тоже:
Невѣрность ихъ узнаешь въ пять минутъ,
И, наконецъ, и въ томъ они похожи;
Что тѣ и эти часто *бьютъ*.

XXX.

АВТОРУ КОМЕДІИ «СЛУГА.»

Нѣтъ «Слугъ» такихъ не дай намъ Богъ,
Хоть и живемъ мы въ вѣкъ плёбейскій.
Скажите: какъ «Слуга» вашъ могъ
Попасть на сцену изъ лакейской?..

XXXI.

«Посуда битая живетъ два вѣка...» Странно!
Домашнюю посуду бьетъ
Въ сердцахъ моя супруга постоянно,
Но по пословицѣ посуда не живетъ.

XXXII.

Его въ упорствѣ мнѣнія
Никто не упрекалъ:
По утру—консерваторъ онъ,
А къ ночи—радикалъ.
Но русская пословица
Нейдетъ къ нему, ей-ей,
Что будто «утро вечера
Бываетъ мудренѣй».

XXXIII.

МАДРИГАЛЫ и ПОСЛАНІЯ СВѢТСКАГО ЧЕЛОВѢКА.

1.

Какъ молодой царицѣ моды,
Къ чему за модой вамъ слѣдить?
На зло условіямъ природы
Должны вы старость пережить.
Сатурнъ вредить вамъ не посмѣетъ,
Пройдетъ предъ вами безъ слѣда...
Повѣрьте: мода устарѣетъ,
А вы, княгиня — никогда.

2.

Пускай безчинствуетъ мансарда,
Гдѣ демократовъ слышенъ шумъ...
Чтобъ оцѣнить вашъ вкусъ и умъ
Не нужно знаніе Боссарда.

О, френологъ! Къ чему здѣсь ты?
Мнѣ стоитъ встрѣтить на тропинкѣ
Слѣдъ вашей крошечной ботинки,
Чтобъ млѣть отъ вашей красоты.

3.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Ацтеки идолами были...
Но отчего-жъ,
Смотря на нихъ, вы ощутили,
Княгиня, дрожь?
Свою любовь я вамъ не выдалъ,
Тая въ тиши,
Но вы, княгиня, тоже идолъ...
Моей души.

4.

Холодны, какъ финскій ледъ,
Вамъ не вѣдомъ страсти пламень
И молва кругомъ идетъ,
Что у васъ не сердце—камень.

Брилліантъ есть камень тоже,
Въ немъ сверкаетъ блескъ огня...
Брилліантовъ всѣхъ дороже
Ваше сердце для меня.

5

Я зналъ, какъ другъ старинный вашъ:
У васъ *свой* домъ, *свой* экипажъ,
Но, долженъ здѣсь избѣгнуть лжи я—
У васъ лишь волосы *чужіе*.

6.

Я на пожарѣ былъ недавно.
Съ водою трубы привезли,
Солдаты дѣйствовали славно
И домъ отъ пламени спасли.
Отъ вашихъ глазъ давно горю я,
Но кто спасетъ теперь меня
И, о судьбѣ моей горюя,
Избавитъ сердце отъ огня?..

7.

Полонъ встрѣчею вчерашней
Я узналъ, что лесть тупа:
Вы милѣе и изящней
Муравьевой съ Петипа.
На черно-ли, на бѣло-ли
Опишу-ли профиль вашъ?
Тутъ безсиленъ и Беллоли
Чудотворный карандашъ...

8.

Толпа влюбленныхъ ваша свита;
Несутъ всѣ лавры красотѣ.
Вы жить умѣете открыто:
И жизнь и платье — *декольте.*

9.

Не вернется счастье вновь,
Стихло самое страданье
И теперь твоя любовь
Дорога мнѣ, какъ преданье.
Что-жъ! угасъ огонь въ крови,
Умъ отъ сердца независимъ,
И отъ всей твоей любви
Мнѣ осталась пачка писемъ.

10.

СТАРОЙ КОКЕТКѢ.

Куплеты лести маскерадной
Приличны юному пажу.
Я не скажу вамъ лжи парадной,
За то... и правды не скажу.

11.

Публикаціи не рѣдко
Я въ газетахъ пробѣгалъ:

Тамъ потеряна браслетка,
Тамъ любимый мопсъ сбѣжалъ.
Самому мнѣ не пора-ли
Публикацій сдѣлать рядъ:
У меня вы сердце взяли —
Дайте-жъ мнѣ его назадъ!..

XXXIV.

ИСПОВѢДЬ ПѢВЦА.

Люблю я на звѣзды смотрѣть по ночамъ,
Лежать на крутомъ берегу,
Люблю отдаваться безумнымъ мечтамъ,
А думать терпѣть не могу.
Люблю угадать я, что шепчетъ трава,
Я трель соловья стерегу,
Люблю жить въ деревнѣ, спустя рукава,
Труда же терпѣть не могу.
Люблю я красавицъ въ любви увѣрять,
Имъ лгу... самъ не знаю, что лгу,
Люблю предъ статуей и млѣть и дрожать,
Жену же терпѣть не могу.
Я въ пѣсняхъ готовъ обожать всѣхъ людей,
Но только никакъ не слугу:
По милости новыхъ ужасныхъ идей
Я дворни терпѣть не могу.
Любовью и страстью волнуется грудь...
Рыдаю, мечусь и молю...
Но если въ себя я рѣшусь заглянуть —
То я никого не люблю.

XXXV.

А. МАЙКОВУ.

(За переводъ стиховъ въ честь капитана Фокса).

Наполнивъ кружку влагой рома
И всыпавъ въ кружку имбирю,
Тебя за пѣснь къ «Міантономо»
Благодарю!
Пускай разскажутъ янки дома,
Въ Нью-Іоркъ вернувшись къ сентябрю,
Про блескъ славянскаго пріема...
Благодарю!
Жаль: наша рѣчь имъ не знакома,
Но я твой стихъ боготворю:
Онъ крѣпче стѣнъ «Міантономо»...
Благодарю!
При взрывѣ пробокъ, средь содома,
Ты декламировалъ... Смотрю:
Трещатъ обои отъ погрома...
Благодарю!
Пусть журналистъ со злобой гнома
Тебя хулитъ, — я говорю:
За вирши въ честь «Міантономо» —
Благодарю!

Хоть край, гдѣ любятъ Дядю Тома,
Съ тобою вмѣстѣ я корю,
Но лесть прилична для альбома —
Благодарю!
Свѣтило высшаго объема!
Я пью—и рдѣю и горю
Вдвойнѣ, отъ виршей и отъ рома.
Благодарю!

XXXVI.

Слухъ этотъ невѣренъ, повсюду распущенный:
Сравню ль съ мониторомъ я Майкова оду?
Въ ней каждый куплетъ, *какъ* опущенный въ воду,
Корабль-же — *дѣйствительно* въ воду опущенный.

XXXVII.

НОВОБРАЧНЫМЪ.

Счастья сулятъ молодымъ новобрачнымъ,
Каждый по лестному спичу сказалъ.
Я же, — простите, — союзамъ удачнымъ
Вѣрить давно пересталъ.
Что пожелать могу вашему дому?
Лишь объ одномъ можно Бога молить,
Чтобъ не случилось судьѣ мировому
Васъ черезъ мѣсяцъ мирить.

XXXVIII.

Не говори, что ты знакомъ
Съ творцомъ риѳмованныхъ бездѣлицъ...
Ты, милый другъ, землевладѣлецъ,
А я владѣю лишь... стихомъ.

XXXIX.

М—Р—У.

Твои стихи плѣнительны... безъ мѣры,
Твои стихи, какъ проблескъ новой эры,
Пройдутъ вѣка, всѣхъ со смѣху моря.
Мы станемъ приводить изъ нихъ примѣры
Заучатъ ихъ всѣ унтеръ-офицеры
И декламировать начнутъ ихъ писаря.

XL.

Европы выдумки съ угаромъ
Мы хвалимъ словомъ и перомъ,
И мониторамъ и базарамъ,
На перебой дивимся съ жаромъ,
Но забываемъ въ крикѣ яромъ
Своимъ похвастаться добромъ
И честь воздать преданьямъ старымъ:
Вѣдь прежде чѣмъ ходили *пáромъ*
У насъ давно ходилъ *паро́мъ*.

НИГИЛИСТЪ.

ПОЭМА.

НИГИЛИСТЪ.

ПОЭМА.

ГЛАВА ВТОРАЯ (*).

Не въ свой „тарантасъ“ не садись.
Новая пословица.

Какую выберу я тему,—
Того, пока, не знаю самъ.
Гр. Сологубъ.

I.

Подобно графу Сологубу,
Кой какъ взобравшись на Парнассъ,
Не знаю самъ, кусая губу,
Чѣмъ я начну теперь разсказъ,—

(*) Въ малоизвѣстномъ московскомъ сборникѣ «Утро» помѣщена *первая глава* поэмы гр. Сологуба «Нигилистъ». Такъ какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, второй выпускъ «Утра» выйдетъ никакъ не ранѣе 1966 года, то я взялъ на себя смѣлость продолжать начатую поэму гр. Сологуба и довести ее до конца, оставаясь вѣрнымъ плану и характеру начатаго произведенія. Я увѣренъ, что всѣ поклонники поэтическаго дарованія гр. Сологуба будутъ мнѣ признательны за мою смѣлую литературную попытку—продолжать нить, вѣроятно на долго, если не на всегда, порваннаго разсказа.

*

Но, какъ ему, мнѣ также любо
Писать на тему—нигилистъ,
И я, хоть это, впрочемъ, грубо,
Блѣднѣя, словно къ книгѣ листъ,
Къ поэмѣ графа Сологуба
Придѣлать смѣло пожелалъ
И продолженье и финалъ.

II.

Моя услуга, если взвѣсить,
Должна возрадовать славянъ:
Поэтъ навѣрно лѣтъ чрезъ десять
Успѣетъ кончить свой романъ
И «*тайну старческой работы*»
Отдастъ Погодину, а тотъ,
Не получивши съ «Утра» льготы,
Положитъ рукопись въ комодъ
И, можетъ быть, лишь лѣтъ чрезъ двѣсти,
Для услажденья разныхъ кастъ,
Съ трудами собственными вмѣстѣ
Поэму графскую издастъ.
А я—мнѣ вечеръ только нуженъ,
Чтобъ въ горѣ выручить пѣвца,
Я сяду весело за ужинъ,
Сведя поэму до конца.

III.

Поэмы планъ исполню свято
И ничего не искажу;
Ея героя демократа,
Какъ Сологубъ, изображу
Я той же самой черной краской;
Его въ безбожьи обвиню
И даже стихъ, немного тряскій,
Для колорита сохраню.
Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, есть причины
Такія фразы мнѣ беречь:
«*Въ душѣ прорѣзались морщины,*»
Иль, «*умъ его широкоплечь.*»
Отъ фразъ поэта цѣпенѣя,
Я имъ подобныхъ не слыхалъ
Съ «сухихъ тумановъ» Атенея...
Но, чу! ужь мой пегасъ заржалъ,
(Старинной вѣренъ я системѣ
Пегаса вспомнить при поэмѣ)
И я, какъ опытный ѣздокъ,
Путь начинаю безъ печали.

IV.

Герой—Бѣлинъ. Его такъ звали.
Его портретъ въ короткій срокъ
Я очерчу, и по контуру

Увидятъ всѣ,—я убѣжденъ,—
Что изъ себя каррикатуру
Изображалъ въ природѣ онъ;
Что всѣ пѣвцы въ преклонныхъ лѣтахъ
(Я самъ, какъ лунь, къ несчастью, сѣдъ)
Въ его типическихъ примѣтахъ
Найдутъ всѣ язвы позднихъ лѣтъ,
Найдутъ, что онъ былъ очень страненъ,
Трихиномъ вѣка зараженъ,
Эгоистически-гуманенъ
И отвратительно уменъ.

V.

И такъ, онъ былъ во первыхъ молодъ,
А этотъ фактъ на стариковъ
Нагнать повсюду можетъ холодъ;
Потомъ, онъ былъ изъ бѣдняковъ,
Имѣлъ долги и не платилъ ихъ,
Носилъ въ заплаткахъ сапоги,
(У богачей кровь стынетъ въ жилахъ:
—Какъ? онъ, бѣднякъ—имѣлъ долги?!)
Былъ, разумѣется, нечесанъ,
Неловокъ, грязенъ, неотесанъ...
«Вѣсть» всѣмъ студентамъ заурядъ
Дала сей яркій аттестатъ
И безъ подобнаго патента

Нельзя описывать студента,—
Къ тому жъ и мало тутъ хлопотъ:
Пріемъ извѣстный—споритъ грубо,
Волосъ не чешетъ круглый годъ,
Какъ волкъ голодный, ѣстъ и пьетъ
И—не читаетъ Сологуба.
Лишь подвяжи такой ярлыкъ—
Герой готовъ въ единый мигъ.

VI.

Дарвина, Фогта, Молешота
Бѣлинъ прочелъ уже давно,
Но пропадала въ немъ охота
Читать Погодина, Михно,
Каткова, Вяземскаго, Фета,
Замоскворѣцкихъ мудрецовъ,
Заголосившихъ не подъ лѣта,
Лихихъ обѣденныхъ пѣвцовъ,
Жизнь отравившихъ многимъ Россамъ,—
И, какъ Москвы лѣнивый сынъ,
Не занятъ вовсе былъ вопросомъ:
«Когда родился Карамзинъ?»
Любилъ онъ спорить за обѣдомъ,
Что жизнь безъ знанья—дѣтскій бредъ,
Что безъ труда жить—цѣли нѣтъ,
Короче—былъ онъ *людоѣдомъ*,
Какъ выражается поэтъ.

VII.

Чтобъ жизнь не кончить со скандаломъ
(Смотрите первую главу),
Бѣлинъ вдругъ сталъ провинціаломъ
И бросилъ шумную Неву.
Благодаря различнымъ шашнямъ,
Ему въ столицѣ не везло,
И онъ учителемъ домашнимъ
Попалъ къ помѣщику въ село
И обитателей усадьбы
Сталъ изучать, ворча не разъ:
«Вотъ если всѣхъ васъ описать бы —
Отличный вышелъ бы разсказъ.»

VIII.

Аристократомъ по преданью
Въ то время слылъ помѣщикъ N.;
Богатъ былъ только по названью,
Хоть пилъ вино высокихъ цѣнъ,
Курилъ гаванскія сигары,
Себя, какъ куклу, наряжалъ
И на уѣздные базары
На кровной тройкѣ выѣзжалъ.
Но такъ балуясь, годъ за годомъ,
Онъ не мирилъ приходъ съ расходомъ,
А впереди... Онъ думалъ: вотъ,

ыть можетъ, бабушка умретъ!
Но бабушка не умирала...
Отжившій левъ не унывалъ,
На съѣздахъ корчилъ либерала
И всюду деньги занималъ.

IX.

Любилъ теперь онъ, въ часъ досуга,
Провозгласить предъ всѣми вдругъ:
—«Меня Жуковскій чтилъ, какъ друга,
И даже Пушкинъ былъ мнѣ другъ...»
Когда-то въ юности далекой
(Онъ вспоминалъ о той порѣ)
Посланья «къ дѣвѣ черноокой»
Писалъ онъ въ «Утренней зарѣ».
Въ Парижѣ ставилъ водевили,
Въ Россіи драму написалъ,
И въ Баденъ-Баденѣ ходили
Толпой смотрѣть, какъ онъ игралъ
И ставилъ золото въ рулетку...
Но онъ не тотъ уже теперь,
Онъ точно звѣрь, попавшій въ клѣтку,
Съ когтями сломанными звѣрь.
Теперь онъ болѣе не рвется,
Какъ прежде, въ дальніе края,
Въ его груди уже не бьется

Стихожурчащая струя.
Лѣниво «Голосъ» онъ читаетъ,
Питаетъ ненависть къ перу,
И лишь поноскѣ обучаетъ
Щенковъ лягавыхъ поутру,
Новѣйшій вѣкъ ругаетъ круто,
Всю журналистику хуля
За отрицанье... Вотъ къ нему-то
Бѣлинъ попалъ въ учителя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Въ огромномъ барскомъ кабинетѣ,
Гдѣ двадцать лѣтъ безъ перемѣнъ
Стояло все, помѣщикъ N.
Ходилъ, поднявшись на разсвѣтѣ,
Уже причесанъ и одѣтъ
И вспрыснутъ нѣжными духами...
Но здѣсь мнѣ хочется стихами
Воспѣть сей барскій кабинетъ,
Покой полу-аристократа,
Полу-псаря, полу-пѣвца,
Полу-французика съ лица,
Въ Парижѣ жившаго когда-то,

Полу-помѣщика степей,
Полу-героя въ старомъ стилѣ,
Тѣхъ дней, когда еще носили
Парикъ, камзолы и тупей.

II.

Всѣмъ понемножку въ этомъ свѣтѣ
Хотѣлъ быть русскій сибаритъ,
И обстановка въ кабинетѣ
Носила тотъ же самый видъ:
Диваны, мягкія подушки,
Сѣдло казацкое въ углу,
Галантерейныя игрушки
Межъ книгъ и счетовъ по столу;
Карамзина изображенье,
Портретъ любимаго коня —
Внизу же было изреченье:
«Жилъ восемь лѣтъ, четыре дня» —
Уставъ дворянскаго собранья,
Нагайки, ружья, мундштуки,
Крылова «полное изданье»,
Размѣровъ разныхъ чубуки;
На полкахъ книги межъ дивановъ:
«Маякъ», «Онѣгинъ», «Новый Псарь»,
Растопчина и ты—Кургановъ,
Настольной книгой бывшій встарь,

Французскихъ нѣсколько романовъ
И безъ обертки календарь,
Да въ переплетахъ разнородныхъ
И привлекательныхъ для глазъ
На всѣхъ столахъ и полкахъ модныхъ
Лежалъ извѣстный «Тарантасъ».

III.

Помѣщикъ былъ съ утра не въ духѣ
И скрыть ворчливости не могъ.
Бѣсило все его — и мухи,
И сладкій чай, и скрипъ сапогъ,
И платье сельскаго покроя,
И прыщь вскочившій на щекѣ, —
Забылъ онъ даже о щенкѣ
Своемъ возлюбленномъ «Медорѣ».
Такъ утро шло. Уставъ шагать,
Онъ сѣлъ къ столу въ большомъ зазорѣ,
Раскрывъ огромную тетрадь;
На ней же тщательно наклеенъ
Былъ съ краткой надписью ярлыкъ:
«*Годъ двадцать третій. Мой дневникъ*».
Привычку старую въ селѣ онъ
Еще сберегъ и по утрамъ
Вносилъ въ дневникъ свой безъ системы
Отрывки сельскихъ эпиграммъ,

Воспоминанья, «мысли,» темы,
Посланья, стансы въ честь кузинъ,
Замѣтокъ мелкихъ рядъ летучій,
Стихотворенія на случай:
«Въ день похоронъ» иль «въ день крестинъ»,
На смерть собачки или дяди...
Прелюбопытная тетрадь,—
И кое что изъ той тетради
Теперь мы можемъ прочитать

ДНЕВНИКЪ ПОМѢЩИКА.

1.

Тоска и глушь!.. Здѣсь, какъ номады,
Живутъ дворяне, бросивъ свѣтъ...
Нигдѣ хорошей нѣтъ помады
И куаферовъ вовсе нѣтъ.
Инымъ здѣсь славно жить, но я-ли
Такъ простъ, какъ эти чудаки?...
Кто долго жилъ въ Пале-роялѣ,
Тотъ здѣсь удавится съ тоски.
Здѣсь все выходитъ вонъ изъ нормы —
Грязь, неопрятность, грубость, смрадъ,
Притомъ же новыя реформы...
Плебей на шею къ намъ сѣсть радъ.

О, Боже мой! Во время оно
Мы не знавали этихъ бѣдъ
И на работника Семена,
Тогда не жаловался Фетъ.

2.

Повсюду злиться есть причина
И хоть въ могилу въ пору лечь:
Нельзя крестьянина посѣчь
И выдрать собственнаго сына,
Какъ будто въ этомъ есть вина...
Жить такъ нельзя намъ, воля ваша,
Съ тѣхъ поръ, когда упразднена
О, ты, березовая каша!

3.

Учитель новый нашъ, Бѣлинъ —
Прямой образчикъ демократа:
Со мною гордъ какъ властелинъ,
А со слугой—за панибрата.
Со мною споритъ безъ затѣй,
И очень радъ, передъ сосѣдомъ,
Передъ глазами всѣхъ дѣтей,
Поднять хоть на смѣхъ за обѣдомъ.
Ну такъ и смотритъ *людоѣдомъ*...
Положимъ, точно онъ уменъ

И образованъ и начитанъ,
Но все жь мужикъ... При мнѣ кричитъ онъ,
Что вѣкъ нашъ послѣ похоронъ
Напрасно рвется изъ могилы,
Что мы, отцы, мозгами хилы,
Что намъ повсюду, здѣсь и тутъ,
Вездѣ отходную поютъ
И что для чтенія негоденъ
Ученый Гротъ и самъ Погодинъ.

4.

Просилъ главу изъ «Тарантаса»
Прочесть при дѣтяхъ Бѣлина
И—вотъ новѣйшая-то раса!—
Онъ мнѣ отвѣтилъ: «Вотъ-те на!
«Къ чему такая старина?
«Найдемъ мы книжку посвѣжѣе,
«Чѣмъ вашъ любезный «Тарантасъ!»
—«Вы, сударь, грубы... таранта-съ...»
Ему воскикнулъ въ куражѣ я.
Mon Dieu! Могу ль я уважать
Такихъ набитыхъ дуралеевъ!

5.

—«А вы стишки для юбилеевъ
Все продолжаете писать?»
Бѣлинъ спросилъ меня за чаемъ...

«Стишки такіе любы мнѣ.
Мы этотъ родъ предпочитаемъ
Всѣмъ гимнамъ къ солнцу и лунѣ.
Принадлежать весьма солидно
Къ числу обѣденныхъ пѣвцовъ!..»
Ну, какъ подобныхъ наглецовъ
Могу выслушивать?.. Обидно...

6.

Бѣлинъ за прожитое время
Хотѣлъ взять деньги. Подождешь!..
Все это нищенское племя
Дрожитъ за каждый мѣдный грошъ.
Когда бъ не этотъ долгъ проклятый,
Я не терпѣлъ бы въ домѣ зла
И мой назойливый глашатый
Давнобъ былъ прогнанъ изъ села.

IV.

Въ то утро, рано вставъ съ постели,
Помѣщикъ N занесъ въ дневникъ:
«Что жъ это будетъ въ самомъ дѣлѣ?
Повелѣвать здѣсь всѣмъ привыкъ
Недоучившійся мальчишка,
Ученьемъ новымъ умудренъ,
И носитъ ветхій сюртучишко,

Какъ тогу цезарскую онъ...
Ну нѣтъ, сегодня будетъ трепка...»
Тутъ онъ закрылъ свою тетрадь,
И закричалъ: «эй, кто тамъ! Степка!
Ко мнѣ учителя позвать!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

I.

Межъ тѣмъ, какъ гнѣвъ аристократа
Отъ раздраженья выросталъ
И кистью шитаго халата
Левъ въ нетерпѣніи игралъ,—
Межъ тѣмъ, какъ чай былъ на полъ пролитъ,
Забытъ черешневый чубукъ
И въ домѣ всѣ узнали вдругъ,
Что «баринъ гнѣваться изволитъ»,—
Въ сосѣднемъ флигелѣ одинъ,
Съ перомъ въ рукѣ, между двухъ оконъ,
Передъ столомъ сидѣлъ Бѣлинъ.
Ужъ написалъ не мало строкъ онъ,
Въ письмѣ добравшись до конца,
И даже вставилъ *Nota bene*,
Какъ вдругъ услышалъ, что съ крыльца
Къ нему стучится кто-то въ сѣни...

Но здѣсь, по прихоти пѣвца,
Приличья свѣта проклиная
(Я—каюсь—ихъ давно не чту)
Письмо студента Бѣлина я
Безъ позволенья перечту.
Пускай мнѣ скажутъ: экой срамъ-то!
Но я не вижу въ томъ вины:
Права чиновниковъ почтамта
Давно поэтамъ всѣмъ даны.
Пѣвецъ въ желаньяхъ независимъ
И для него, съ былыхъ временъ,
Нераспечатанныхъ нѣтъ писемъ,
Какъ для любовницъ и для женъ.
Бѣлинъ писалъ:

II.

«Занесъ же лѣшій
Меня въ проклятый уголокъ!..
Ушей, пожалуста, не вѣшай,
Не жди, что юный демагогъ
Тебѣ опишетъ пышнымъ слогомъ,
Какъ онъ шлифуетъ дураковъ
И просвѣщаетъ по берлогамъ
Лѣсныхъ медвѣдей и волковъ.
Здѣсь, право, къ подвигамъ великимъ
У всѣхъ охота пропадетъ;

Здѣсь, милый другъ, въ единый годъ
Того гляди—самъ станешь дикимъ,
Забудешь совѣсть, смыслъ и стыдъ
И станешь мелкимъ, грязнымъ плутомъ
И на Петропольскій гранитъ
Потомъ «вернешься алеутомъ»,
Какъ Грибоѣдовъ говоритъ.
Тружусь я здѣсь для высшихъ цѣлей:
Окладъ имѣю годовой,
Уча двухъ юныхъ пустомелей
Съ клинообразной головой,
Которымъ знанія—вериги,
Которыхъ тѣшитъ мысль одна,
Что въ золотой дворянской книгѣ
Стоять ихъ будутъ имена;
Которымъ гербъ разсудка краше...
Ждутъ съ дѣтства эти делибаши,
Когда отца уложатъ въ гробъ,
Хоть перейдетъ имъ отъ папаши
Одно наслѣдство—мѣдный лобъ.
А самъ папаша... въ дендиономъ
Различныхъ свойствъ явилась смѣсь;
Онъ весь пропахъ одеколономъ,
Пропитанъ чванствомъ пошлымъ весь.
Плохой пѣвецъ безъ дарованья,
Деспотъ подъ бабьимъ башмакомъ,

Аристократъ безъ состоянья,
Богачъ съ изсякшимъ кошелькомъ,
Романтикъ, грабившій реально
Своихъ дворовыхъ и крестьянъ,
Въ себѣ явившій спеціально
Типъ славный «русскихъ парижанъ».
Онъ, весь уѣздъ переполоша,
Всѣхъ мотовствомъ своимъ дивилъ,
А мнѣ, наставнику, ни гроша
Пока еще не заплатилъ,
И говоритъ, что тотъ вульгаренъ,
Кто не умѣетъ долго ждать...»

III.

—Кто тамъ?—«Къ себѣ васъ проситъ баринъ...»
—Зачѣмъ бы это—нужно знать?..
Не о движеньи ли науки
Прослушать хочетъ онъ урокъ,
Иль просто отъ лягавой суки
Родился новенькій щенокъ
И о событьи этомъ важномъ
Онъ извѣстить желалъ меня...»
Такъ думалъ, голову склоня,
Бѣлинъ предъ домомъ двухъ-этажнымъ
И чрезъ парадное крыльцо
Дошелъ до двери кабинета.

Увидя хмурое лицо
Степнаго франта и поэта,
Бѣлинъ улыбки скрыть не могъ,
Спросилъ его: что вамъ угодно?
Затѣмъ домашній педагогъ
Сѣлъ въ кресла мягкія свободно.

IV.

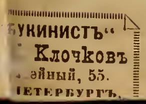
Минуты три любимецъ музъ
Ходилъ по комнатѣ сурово,
Но наконецъ такъ началъ: —«Ну-съ,
Я вамъ хочу сказать два слова».
—Хоть цѣлый спичь. «Нельзя-ль остротъ
Вамъ не пускать на время въ ходъ...
Я вами, сударь, недоволенъ».
—Благодарю за комплиментъ.
—«Я болѣнъ, слышите-ли, болѣнъ,
Чрезъ васъ лишь, господинъ студентъ».
—Больны, такъ нуженъ, значитъ, лекарь:
Болѣзнь какъ разъ прогонитъ прочь,
А я не медикъ, не аптекарь,
И вамъ едва-ль могу помочь.
—«Вы, сударь, держите не строго
Моихъ дѣтей,—веду я рѣчь...»
—Что жъ, мнѣ прикажете ихъ сѣчь?
Хожалымъ стать изъ педагога?

—«M-r Бѣлинъ! Дурной примѣръ
Моимъ вы дѣтямъ подаете...»
—Примѣръ дурной... Гмъ! Напримѣръ?
—«Хоть о крестьянствѣ, о работѣ,
О тунеядствѣ высшихъ сферъ,
О пользѣ всѣхъ ассоціацій
Ведете съ ними разговоръ,
А я подобныхъ демонстрацій
Не признаю ужъ съ давнихъ поръ.
Потомъ... хоть это вздоръ... однако
Васъ нужно мнѣ предостеречь:
У васъ приличнаго нѣтъ фрака
И—волоса до самыхъ плечь.
Что мнѣ—священно, вамъ—потѣха,
И много, много есть причинъ...»
Но здѣсь скрывать не въ силахъ смѣха,
Расхохотался вдругъ Бѣлинъ.
Тутъ баринъ, мраченъ, словно воронъ,
Трясясь отъ злобы, вышелъ въ залъ,
Шататься сталъ и на коверъ онъ
Въ изнеможеніи упалъ.

V.

Прибавлю вмѣсто эпилога,
Нисколько въ правдѣ не грѣша:
Прогналъ помѣщикъ педагога,

Не заплативши ни гроша,
А самъ задумалъ онъ для свѣта
Писать поэму «Людоѣдъ»,
И, говорятъ, поэма эта
Должна на дняхъ явиться въ свѣтъ.

ЪУКИНИСТЪ"
Клочковъ
эйный, 55.
IЕТЕРБУРГЪ.

Цѣна 75 коп.

Продается въ книжномъ магазинѣ **С. В. Звонарева и К°.** на Невскомъ проспектѣ противъ Аничкова дворца д. № 64, и **Н. Г. Овсянникова** въ Гостинномъ дворѣ № 17.

